

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА

КЛЮЧ
ОТ ПРОКЛЯТОЙ
КОМНАТЫ

Анна Князева

Ключ от проклятой комнаты

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6664957

Анна Князева. Ключ от проклятой комнаты: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70049-3

Аннотация

Участники новогоднего карнавала закружились в танце. И вдруг праздничный шум перекрыл женский крик. Танцующие расступились. В центре вестибюля лежал мужчина в костюме Дракулы. Из-под тела натекала лужа крови, рядом валялся брошенный пистолет...

Лера не понимала, что происходит в их бизнес-центре «Пресня Палас»: сначала несчастный случай с подружкой Ритой, теперь убийство ее шефа Шостока... Имелась лишь одна зацепка: клочок старых обоев, зажатый в руке мертвой Риты. Лет тридцать назад подобные обои встречались в московских квартирах...

Дом на Трехгорном валу оказался почти необитаемым. Одна из его последних жительниц рассказала: много лет назад в комнате с зелеными обоями повесилась женщина, у которой похитили ребенка. Неужели гибель Риты и Шостока – следствие этой всеми забытой истории?.. А вскоре Лера получила конверт с клочком темно-зеленых обоев...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	44
Глава 6	50
Глава 7	56
Глава 8	62
Глава 9	69
Глава 10	77
Глава 11	84
Глава 12	94
Глава 13	99
Глава 14	108
Глава 15	116
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Анна Князева

Ключ от проклятой комнаты

Отсюда, с высоты, ей видно все...

Кружащийся тихий снег, у главного входа – елка. Фургон, карниз и трещины в нем, горбатые крыши домов и дальние новостройки, строительный кран за башнями Сити-центра, холодное небо и облака и белое пятно солнца.

Она видит все, каждую мелочь, изгиб или деталь. Пространство ожило, задвигалось, завертелось вокруг нее: окно, карниз, фургон, у главного входа – елка. И снова: небо, фургон, карниз...

О чем люди думают перед смертью? О том, как хочется жить? Или о том, почему так страшно? А может, о том, что со смертью уйдет страх?

Ни о чем таком она и не думала. Она просто летела, падала с высоты седьмого этажа на стеклянную крышу веранды. Всего несколько секунд, краткий миг между жизнью и смертью, но как долго он длится...

Шум, с которым она проломила крышу, был не таким уж сильным, она ожидала куда большего грохота. А вот удар о гранитный пол сразу ее убил.

Вокруг собрались люди, и кто-то кричал:

– Она бросилась из окна!

Откуда им было знать, что она здесь совсем ни при чем.

Глава 1

За несколько часов до...

Красная Пресня, Центральный округ столицы. Средоточие ресторанов, клубов и офисных центров. Бизнес-центр «Пресня Палас» – один из многих. Кирпичное здание в семь этажей на перекрестке коротких улиц. Каждое утро со всей Москвы сюда устремляются сотни машин.

С Трехгорного Вала Лера повернула второй раз. Заваленная сугробами улица сделалась уже, а стихийные парковки еще тесней. Впереди тащился фургон, на задней дверце которого был нарисован конверт с двумя белыми крыльями.

Фургон подъехал к «Пресне Палас», а Лера запарковалась на стоянке, где было одно свободное место. До начала работы оставалось двадцать минут.

У главного входа в центр уже поставили новогоднюю елку. Макушкой она упиралась в мраморный козырек. На высоком крыльце толпились курильщики. Здесь, как и в офисах, все говорили о том, куда поехать в рождественские каникулы.

Охранник в фойе расхаживал в костюме Деда Мороза. Красавица у ресепшен улыбалась каждому, кто входил.

– Прощу, – она протянула Лере корреспонденцию.

– Спасибо.

– Как там на улице?

– Снег... – Взглянув на часы, Лера сняла очки и положила их в сумку. Потом выправила из-под шарфа длинные каштановые волосы, скрутила их в аккуратный пучок, закрепив шпилькой, после чего направилась в другой конец вестибюля к двери, на которой висела табличка: «Саваста Фьоре».

В салоне звучала громкая итальянская музыка. За стойкой сидела Ева Полонская – администратор офиса, управляющего парикмахерскими «Саваста Фьоре». Увидев Леру, она прыгнула с высокого табурета и побежала в кладовку. Через мгновение выскочила оттуда с каким-то флаконом и устремилась в противоположный конец помещения. Светлые джинсы, туфли без каблуков, короткие волосы уложены торчащими прядками. Со спины ее можно было принять за шуплого подвижного пацана.

В прошлом Ева была скрипачкой. После окончания консерватории объездила с оркестром весь мир. Ее карьера закончилась после того, как она вышла замуж за Григория Люсина, известного актера телесериалов. Ради него Ева оставила музыку и подыскала себе более подходящую работу.

Через минуту она уже была рядом с Лерой:

– Привет. Двадцатого декабря у тебя окраска волос. Ты как?

– Смогу.

– Твое время в десять. – Ева что-то записала в тетрадку. – Точно сможешь?

– Точно, – ответила Лера. – Шосток уезжает в Ниццу.

– Опять женился?

– Опять.

– Цветы по тому же поводу? – Ева кивнула на сверток в руках подруги. – Кстати, у Люсика юбилей – сотая серия «Шелкового сердца». В обеденный перерыв жду вас в нижнем кафе у телевизора. Риту я пригласила. Ты предупреди остальных. На Ритке сегодня обалденное платье. Розовое... здесь юбочка... здесь – бант. Рукавчик три четверти...

– Что в сотой серии?

– Рюмина падает из окна, дальше – несколько серий она в коме. Счастливая, поедет в Дубай отдыхать.

– А Люсик?

– Будет стоять на коленях у больничной койки с ее дублершей. Ну, пока, – Ева закрыла тетрадь и вернулась к стойке администратора.

Лера вышла из парикмахерской. В вестибюле у лифтов она встретила парня в курьерской куртке, зашла с ним в кабину, вдавила шестую кнопку. В тот же миг в лифт заскочила Маша Волкова, красавица-блондинка с глазами на пол-лица.

– Успела! – воскликнула она.

– Привет! – Лера обернулась к курьеру: – Вам на какой?

Он молчал и тупо смотрел на Машу. Это была обычная мужская реакция. Увидев ее, многие парни напрочь теряли дар речи.

– Вам... на... какой... этаж? – отдельно спросила Лера.

Дверцы лифта закрылись, но кабина с места не тронулась.

– На седьмой... – пролепетал курьер.

– Там никого нет, – сообщила Маша. – Этаж подготовлен к ремонту. Скажите лучше название фирмы.

– О-О-О... «Домовой»...

– Вам на шестой. – Мельком заглянув в зеркало, Маша спросила у Леры: – Что в «Шелковом сердце»?

– Рюмина в коме, выпала из окна.

– Хорошо бы и в самом деле. – Маша не сомневалась, что муж Евы и его партнерша по сериалу были любовниками. – За Еву обидно. На заборах скоро напишут: Люсик плюс Рюмина.

– Все равно она не поверит, – вздохнула Лера. – В обеденный перерыв Ева ждет нас в кафе. У Люсика юбилей, сотая серия.

На табло загорелась шестерка, и двери разъехались. Лера вышла из лифта, за ней – Маша. Курьер, не отрываясь, смотрел ей вслед.

– Ше-е-е-сто-о-ой... – протянула Маша, поправляя длинные локоны.

Взглянув на табло, парень выскочил из кабины. У стеклянной двери в конце коридора его ждала Рита.

Компания «Домовой», где работала Рита Сцейпек, занимала правое крыло этажа и отделялась от прочих фирм стеклянной перегородкой.

– Привет! – улыбнулась Рита.

Лера помахала рукой, а Маша заметила:

– Красивое у тебя платье.

Розовое платье Риты и формой, и цветом напоминало гигантский цветок фуксии.

– Что в «Шелковом сердце»? – спросила она.

– Рюмина в коме. В этой серии выпадет из окна, – сообщила Маша с особенным удовольствием. – У Люсика – юбилей. В обед встречаемся в кафе у нашего телевизора. Придешь?

– Увидеть, как Рюмина падает из окна? И ты еще сомневаешься...

Вместе с курьером Рита отправилась в приемную «Домового», а Лера и Маша разошлись по своим офисам.

* * *

Повесив пальто в шкаф, Лера достала вазу, распаковала букет и вошла в кабинет Шостока. Она заметила на столе новую фотографию. Решив, что крашеная блондинка и есть новая жена шефа, Лера подвинула рамочку, освобождая место для вазы с цветами.

Бракосочетание состоялось в минувшие выходные. Поговорив с невестой по телефону, Лера отчего-то решила, что та мила или, во всяком случае, прилично воспитана.

Пристроив цветы, она возвратилась в приемную. В течение ближайшего часа к ней заглядывали сотрудники, и каждый обязательно спрашивал:

– Шосток сегодня будет?

– Будет, но недолго. Он уезжает. – Говоря это, Лера улыбалась: впереди ее ждал целый месяц долгожданной свободы.

В одиннадцать часов явился посыльный курьерской службы, практически брат-близнец того, что «преследовал» ее утром.

– Письмо... – он протянул конверт и квитанцию.

– Расписаться? – спросила она.

В этот момент открылась дверь, и в офис вошел Шосток. Его сопровождала девушка с фотографии.

– Здравствуйте. – Вставая, Казанцева не глядя швырнула конверт в верхний ящик стола. Вместо ящика конверт угодил в ее раскрытую сумку.

– Здравствуй, Лера, – Шосток остановился. – Знакомься, это – Леночка.

– Очень приятно... Поздравляю!

– Моя помощница – Лера Казанцева, – представил ее Шосток.

Кивнув, Леночка прошла в кабинет мужа.

– Ты не знаешь, где мой загранпаспорт? – спросил Виктор Иванович.

– В верхнем ящике стола, вместе с билетами.

Курьер переминался с ноги на ногу:

– Вот здесь... – Он ткнул пальцем в квитанцию, и Лера наконец поставила закорючку куда следовало.

– Готово.

– Скажите, а где дирекция бизнес-центра?

– Здесь, на шестом, рядом с нами, смотрите...

Лера не успела договорить. К столу с цветами в руках подошла Леночка:

– Если нет денег на хорошие, нечего покупать барахло. –

Сунув букет в мусорку, она удалилась. Спустя мгновение, попрощавшись, ушел Шосток.

– Дирекция... – напомнил курьер.

– Подождите.

Обогнув стол, Лера склонилась над мусорной корзиной и достала оттуда цветы. Потом принесла вазу, поставила в нее букет и водрузила на свой стол:

– Теперь – порядок... Дирекция? Идемте, я покажу.

* * *

Маша Волкова работала секретарем в дирекции бизнес-центра «Пресня Палас». Несколько лет назад она приехала из провинции без гроша, но уже через год купила в Москве квартиру. Если бы у нее кто-то спросил, как это возможно, она бы ответила: «Очень просто. Используя мужчин, можно добиться многого».

В мужчинах Машу интересовали, во-первых, деньги. Во-вторых – деньги. В-третьих и в-четвертых, тоже деньги. Правила игры менялись, но ставка оставалась прежней – безбедное существование любой ценой. Сумма ее усилий зависела

от того, насколько состоятельным был «объект».

Однако ее беспринципность в отношениях с мужчинами не исключала кодекса чести, который имел весьма ограниченный диапазон действия и распространялся лишь на подруг. Можно называть это как угодно: двойной жизненной философией или цинизмом, но из песни, как говорится, слов не выкинешь.

В то утро в кабинете директора бизнес-центра Кравченко проходила встреча с солидными арендаторами. Маша подавала им кофе. Зауженная книзу юбка, изящная форма ног, роскошная грудь в глубоком вырезе кофточки. При каждом ее наклоне взгляды мужчин устремлялись в Машино декольте.

– Спасибо, – сказал Кравченко, когда на стол была поставлена последняя чашка. – Теперь найди смету на ремонт седьмого этажа, потом можешь идти на обед. Но только на полчаса.

Вернувшись в приемную, Маша увидела курьера. Забрав корреспонденцию, стала искать смету.

Между тем из кабинета гендиректора вышел пятидесятилетний мужчина, совладелец крупной финансовой компании.

– Можно стакан воды? – В нее уперся цепкий взгляд.

– Разве на столе в графине ее нет?

– Не видел. – Он протянул руку и представился: – Николай Иванович Слезь.

– Волкова Маша.

– Проводи-ка меня на седьмой этаж. Хочу посмотреть, что да как. Ремонт закончится, я заберу все помещения.

– Простите, сейчас не могу. У меня обед.

– Ах да! Слышал. Тридцать минут.

– Уже двадцать пять.

– Что ж, возьму охранников, сам посмотрю.

Он шагнул навстречу Маше, обнял ее и прижал к себе.

– Пустите, Николай Иванович... – сказала она. – А то...

– А то что? – Он снисходительно улыбнулся, убрал руки и, не торопясь, покинул приемную.

Обернувшись, Маша увидела Кравченко. Его лицо было бледным, почти больным. Прикидывая, давно ли он так стоит, она протянула ему документы:

– Вот, Игорь Петрович...

Он подошел, одной рукой взял бумаги, а второй, размахнувшись, ударил ее по лицу.

– Дрянь, – прошипел он. – Грязная потаскуха...

Поправив волосы, Маша взяла сумочку и направилась к выходу.

– Беги-беги! Он тебя ждет! – выкрикнул Кравченко.

– Я – в «Барсуksпецодежду», потом, если понадобится, буду в нижнем кафе.

Обстановка в офисе «Барсукспецодежды» напоминала кризисные торги на фондовой бирже. Огромное пространство, уставленное конторскими столами, где трудилось не меньше сотни сотрудников. От стола к столу перемещались клиенты, трезвонили телефоны, звучал несмолкаемый гул людских голосов.

У самого входа работала копировальная машина. Подставка для бумаг сдвинулась, и отксерокопированные листы методично взмывали вверх, а потом, раскачиваясь, улетали в проход между столами.

У окна сидел хозяин фирмы Сергей Барсуков. Время от времени к его столу подходили сотрудники, он подписывал документы, затем, откинувшись в кресле, наблюдал за тем, что творится вокруг него. Заметив Машу, Сергей сдержанно кивнул, и его лицо выразило неудовольствие. Маша прошла через зал к единственному кабинету из пластика и стекла, наглухо зашторенному жалюзи.

Отсекая шум, за Машей закрылась дверь. В кабинете у компьютера сидела Надя. Ей можно было дать лет двадцать восемь, хотя на самом деле уже исполнилось сорок. Поджарая фигура бывшей спортсменки, короткие русые волосы, минимум макияжа. От нее веяло здоровьем, свежестью и правильным воспитанием.

Надя была женой хозяина фирмы, что нисколько не упрощало ее жизни. Сергей вынужденно терпел присутствие жены, не скрывая своих намерений со временем отправить ее домой. Угадывая желание босса, сотрудники откровенно пакостили Наде, пытаясь доказать ее безоговорочную никчемность. Пребывание в отдельном кабинете походило на полную изоляцию.

– Пойдешь на обед? – Маша приблизилась к зеркалу и, взглянув в него, провела пальцем по красному пятну на щеке.

– Что у тебя с лицом? – спросила Надя.

– Кравченко приложил.

– На работе?! – Надя вздохнула. – Не даст он тебе житья...

– Пустяки.

– Так нельзя, – Барсукова встала из-за стола и подошла ближе.

– Оставь, – оборвала ее Маша.

Спустя минуту они вышли из кабинета. Стараясь не привлекать внимания, Надя пробиралась между столами. Служащие бросали на нее косые взгляды и продолжали делать свою работу. Внезапно на ее пути возникла немолодая коренастая женщина:

– Здравствуйте, Наденька...

– Здравствуйте, Валентина Николаевна, – Надя остановилась.

Говорившие по телефону сотрудники замолчали, осталь-

ные отложили дела, ожидая, что скажет или сделает Валентина Николаевна.

В каждом приличном офисе есть своя стерва. В офисе «Барсуksпецoдежды» стервой считалась Валентина Николаевна Голикова, финансовый аналитик. Любой, кто как кость вставал ей поперек горла, мог быть уверен – она обгложет его дочиста. В случае с Барсуковой все было предопределено, Голикова слишком хорошо знала, чего желает хозяин.

– Наденька, – финансовый аналитик была любезна, но чувствовалось, что камушек за пазухой у нее есть. Она протянула бумаги: – Это последняя сверка с вашими фабриками.

Все, включая Сергея Барсукова, следили за тем, что будет дальше.

– При всем уважении к вам, – Валентина Николаевна огляделась, – такого ужаса я не видела за всю свою жизнь.

Надя взяла документы:

– Неужели?..

– Да уж поверьте. Насчет отгруженных материалов... Мои данные отличаются от ваших... – Голикова еще раз оглядела присутствующих, – ...на двадцать пять миллионов.

Служащие зашушукались. Барсуков с досадой швырнул на стол карандаш.

– На двадцать пять миллионов... больше? – с усилием выдавила из себя Надя.

– Представьте себе – да! – улыбнулась Валентина Нико-

лаевна. — Фабрики, с которыми вы работаете, задолжали нашему предприятию двадцать пять миллионов рублей. Похоже, они не столько шьют для нас спецодежду, сколько воруют давальческие материалы¹.

Надя стояла навытяжку, словно провинившаяся школьница. Маша озадаченно выглядывала из-за ее плеча.

— Вы уверены, что учли все поступления готовой продукции? — спросила Надя.

— Я на голову покамест... не жалуюсь, — отрезала Валентина Николаевна, намекая на то, что с Надиной головой дела обстоят с точностью до наоборот.

Развернувшись, Барсукова кинулась в свой кабинет, прошептав на ходу Маше:

— Иди. Я подойду позже.

Маша вышла в коридор и направилась к лифтам. Там стояло несколько человек, среди них была Лера Казанцева. Увидев Машу, мужчины притихли. Звякнул прибывший лифт, двери открылись, и все устремились внутрь.

Одновременно с этим за стеклянной перегородкой «Домового» показалась фигурка Риты. Яркое пятно ее платья виднелось издалека. Лера махнула рукой, дескать, поторопись. В лифт Рита забежала последней. На табло вспыхнул значок, затем послышался зуммер.

— Перегрузочка... — сказал плешивый толстяк. Прижав к животу портфель, он сосредоточенно уставился в потолок.

¹ Полученные организацией от заказчика для переработки.

Остальные мужчины последовали его примеру. Решительно никто не хотел уступать своего места.

– Ну, что ж, я вошла последней, – улыбнулась Рита, выскочила из кабины и побежала к другому только что подошедшему лифту. Прежде чем двери сомкнулись, она крикнула:

– Встретимся у кафе!

Все мгновенно расслабились, кабина двинулась вниз. Толстяк опустил глаза и заглянул в декольте Машиной кофточки. Его выпуклый затылок казался продолжением лба, натянутого на сферическую болванку, отчего лысая голова походила на большую электрическую лампочку, вкрученную в пузатое тело.

– Закончили ремонт на седьмом этаже? – спросил кто-то за спиной Леры.

– Еще и не начинали, – ответил какой-то мужчина. – Говорят, не раньше чем в феврале.

– Непорядок это, – сказал первый. – Целый этаж пустует. «Дзынь...»

– Приехали, – толстяк снял с живота портфель и первым выскочил из кабины.

– У меня на обед всего двадцать минут. – В ожидании Риты Маша задержалась у лифтов. – У Кравченко совещание.

– И поэтому ты не должна есть! – возмутилась Лера. – Не понимаю, почему ты не бросишь его. Он ведет себя как колонизатор.

– Как канализатор. Порвать с ним – значит потерять работу. Не время его бросать.

– Понятно. Новую машину пообещал? Тебя погубит твоя меркантильность.

Взглянув на часы, Маша вздохнула:

– Теперь только кофе выпью.

В это мгновение пришел Ритин лифт, двери разъехались: кабина была пуста. Лера в недоумении развела руками и для верности зашла внутрь.

– Куда она подевалась?

– Наверное, кошелек забыла, – предположила Маша и первой вошла в кафе.

– Она же была с сумкой... – оглянувшись на лифт, Лера последовала за ней.

В кафе висели праздничные гирлянды. В окно была видна елка, на улице шел снег. Из бара доносилась новогодняя песенка Дина Мартина.

За столом у телевизора Ева наблюдала за тем, как на экране ее Люстик обнимает партнершу по сериалу.

– Не понимаю, – сказала Лера, усаживаясь рядом. – Как ты такое выносишь?

– Не мешай. Сейчас появится муж и выбросит ее из окна.

– Да уж скорей бы, – хмыкнула Маша.

К столу подошла официантка и приняла заказ.

– А где остальные? – спросила Ева.

– Скоро придут, – Лера оглянулась на дверь.

В кафе забрело несколько человек, но ни Риты, ни Нади среди них не было.

– Смотрите-смотрите! – Ева подалась вперед, взяла пульт и прибавила громкости. На экране возник неприятный субъект с черными, как у Пуаро, усами. Он схватил Рюмину и выбросил ее из окна. Послышался звук бьющегося стекла.

В тот же миг по кафе прокатился грохот, на стол полетели осколки. Раздался шлепок, как будто о пол ударилось что-то большое и мягкое, повеяло холодом, затем донесся женский крик. От входной двери к ним, спотыкаясь, бежала Надя:

– Рита-а-а!

Проследив за ее взглядом, Лера увидела лежащую на полу женщину. На ней было пронзительно-розовое платье.

В воздухе кружились снежинки. Не понимая, откуда падает снег, Лера подняла глаза и увидела в стеклянной крыше большую дыру.

На улице закричали:

– Она выбросилась из окна!

Послышался тихий хрип, Ритины пальцы дрогнули и разжались. Воздушный поток подхватил с ее ладони бумажный клочок и зигзагами потащил по полу. Лера подняла его. Это был скомканный клочок старых обоев.

Вокруг собирались люди, с каждой минутой их становилось больше. Рита лежала не двигаясь, вокруг головы растекалась кровавая лужа.

Заметив задравшийся подол ее платья, Лера хотела подой-

ти, одернуть его, прикрыть оголившуюся над краем чулка ногу. Но не смогла сдвинуться с места...

Дин Мартин закончил свою песню. На белую кожу Риты одна за другой ложились снежинки. Спустя несколько мгновений они таяли.

Лера подумала:

«Еще немного, и они уже не растают...»

Глава 2

По существу дела

Посреди кафе на стремянке стоял пожилой рабочий и фанерой заделывал дыру в потолке.

– Олег Иваныч, левее подтягивайте, – командовала энергичная женщина-комендант. – Да что ж вы, ей-богу!

– Филиция Павловна, оставьте меня в покое! Я и сам знаю, как надо.

– Если бы знали, давно б уже сделали, – не унималась начальница.

– Да уйдете вы наконец?!

Раздался вибрирующий звук. Фанерный лист вырвался у него из рук и, очертив замысловатую траекторию, с шипением заскользил по полу. Сквозь открывшуюся дыру вновь повалил снег.

На время ремонта все обеденные столы сдвинули к барной стойке. За крайним сидела Лера, рядом с ней – мужчина лет сорока, одетый в полицейскую форму.

– Следователь Васин, – представился он и придвинул к себе бланк: – Фамилия, имя, отчество?

– Казанцева Валерия Николаевна.

– Год рождения... национальность... образование...

Глядя в равнодушное лицо следователя, Лера подумала:

«Зачем это сейчас?»

– Какая разница? – спросила она.

– Отвечайте на вопросы.

– Семьдесят девятый, русская, высшее.

Васин занес данные в протокол.

– Место работы?

– Адвокатская контора Шостока, помощник руководителя.

По ногам сильно тянуло холодом, но Лере и в голову не пришло подняться в свой кабинет, чтобы надеть сапоги или накинуть на плечи шарф.

– Что можете пояснить по существу дела?

– Пояснить? – Ее состояние напоминало посттравматический ступор.

– Рассказывайте, как было дело, и побыстрее, меня ждут другие свидетели.

– С самого начала? – спросила Лера.

– С кончала, – съязвил следователь и похлопал себя по карману. Заметив рабочего, он спросил у него: – Прикурить не найдется? – Но тут же вытащил сигаретную пачку, из которой выпали спички.

Рабочий поднял фанерный лист и снова полез на стремянку.

– Слушаю... – Васин чиркнул спичкой и прикурил.

– Утром, когда я приехала на работу...

– Короче...

– Я зашла в парикмахерскую...

Последовал наводящий вопрос:

– Виделись сегодня с погибшей?

– Виделась.

– Расскажите, где и когда, – следователь затянулся и тут же стряхнул пепел. Подхваченный сквозняком, он закружился и медленно опустился на пол, туда, где темнели следы высушенной крови и мелом была обрисована человеческая фигура.

Лера закрыла лицо ладонями:

– Можно воды?

Следователь встал, направился к барной стойке и вскоре вернулся со стаканом, наполненным до краев.

– Пейте. – Дождавшись, когда она выпьет, продолжил: – Значит, зашли в парикмахерскую...

– В салон «Саваста Фьоре»...

– Неважно.

– Там встретила Еву Полонскую...

– Кто это такая?

– Администратор салона, в прошлом – скрипачка, потом вышла замуж за Григория Люсина...

– Того, что снимается в «Шелковом сердце»?

– Да, Люсик – актер телевизионного сериала.

– Люсик?..

– Так его называет Ева.

– Это как-то связано со случившимся?

– Ева сказала, что у Люсика юбилейная серия, и пригласила меня в кафе.

– То есть – сюда?

– Да. Мы часто собираемся здесь в обеденный перерыв. Смотрим очередную серию, разговариваем. Ева сказала, что Рита Сцейпек тоже должна прийти.

– Ясно, – Васин взялся за ручку. – Значит, встреча была назначена, и никаких других дел у погибшей не намечалось.

– Видимо, так.

– Теперь расскажите, где и когда видели погибшую в последний раз.

– Мы виделись дважды, оба раза в коридоре на шестом этаже.

– Там, где находится ваш офис? – спросил следователь.

– И Ритин тоже. Она работает... работала в компании «Домовой».

– Знаю. О чем вы говорили?

Лера поежилась от холода, и следователь протянул ей свою куртку:

– Возьмите.

– Спасибо, – накинув куртку, Лера поправила на голове сбившийся пучок русых волос. – Она встречала курьера. Кстати, мы с ним поднимались в одном лифте.

– Опустим про курьера.

– Для вас не важны детали? – спросила Лера.

– Важны. Но не в таком количестве. О чем вы говорили

с погибшей?

– Она сказала, что в обед спустится вниз, в кафе.

– Вот и спустилась. – Васин кивнул на меловой абрис, однако, почувствовав неловкость, поторопился загладить свою бестактность. – Так сказать, констатирую... А для чего вас пригласила жена Люсина?

– Я же сказала: у ее мужа – юбилей. Ева купила торт. Мы хотели посмотреть, как выпадет из окна...

– Что-о-о-о-о?... – Не дослушав, Васин закашлялся и потушил сигарету. – Вы знали, что Сцейпек выпадет из окна?!

Лера стукнула рукой по столу:

– Да нет же! Я про актрису, партнершу Люсика!

– Черт побери! – воскликнул следователь. – Я же просил – по существу! – Он схватил со стола зажигалку и остановил какого-то полицейского: – Дай закурить!

– Васин? Ты еще здесь? – спросил тот. – Зачем? И без того ясно – это самоубийство.

– С чего ты взял?

– У Смирнова спроси. На седьмом, откуда она свалилась, не успели демонтировать камеру наблюдения. Погибшая прибыла на этаж одна. Кроме нее, там никого не было.

– Ну, так это ж меняет дело! – Васин что-то коротко дописал и, развернув бланк, протянул Лере ручку. – Прочтите и распишитесь.

– Мы еще не договорили, – возразила она.

– Слышали? Ваша подруга покончила с собой. Неужели

не ясно?

– Но зачем она поехала на седьмой этаж? Она собиралась с нами в кафе.

– Расписывайтесь, – приказал следователь.

– А обои, ключок, что Рита держала в руке? Совсем забыла сказать! – Лера принялась шарить в своих карманах. – Вот он!

– Вынули из ее рук?

– Нет, с пола подобрала.

– Тогда оставьте его себе на память. Подписывайте! – Васин встал и раскрыл папку.

– Как же так? – недоумевала Лера.

– Считайте, что дело закрыто, – следователь забрал у нее свою куртку. – Погибшая выбросилась из окна по собственному желанию.

Лера подписала протокол. Васин положил его в папку, достал из кармана визитку и бросил ее на стол. Она упала на зажигалку.

– Ваша?

– Визитка? – Он остановился. – Конечно, моя.

– Зажигалка... – тихо сказала Лера.

– Нет. Кажется, того старика, что заделывает крышу.

Попрощавшись, Васин ушел. Лера взяла зажигалку, однако, оглядевшись, увидела, что рабочего уже нет.

Глава 3

Земля пухом

Риту похоронили на кладбище неподалеку от ее бывшей работы. У забора в самом конце погоста собралось немного людей. Из родственников были только мать да сестра. Остальные – друзья и коллеги усопшей.

Среди прочих выделялся высокий седой мужчина, хозяин компании «Домовой» Леонид Нилович Лобов. Человек интеллигентный и представительный, он держался поодаль и время от времени поглядывал на часы. Присутствующие реагировали на него уважительно и чуть отстраненно.

Погребение прошло быстро и организованно. Спустя полчаса все было кончено. Пришло время проститься с родственниками. Первым к Ритиной матери приблизился Лобов. Он обнял ее и передал конверт.

– Какой молодец... – прошептала Ева.

– Он хорошо относился к Рите. – Надя засунула руки в карманы и добавила: – Она его уважала.

– Идеальные отношения между руководителем и его помощником, – заметила Маша.

Шагая по заснеженной аллее, Лера мечтала поскорее уйти с кладбища. Рядом с ней шли подруги.

– Ты показывала следователю ту бумажку? – спросила Надя.

– Да, во время допроса, – Лера открыла сумку и вынула из нее клочок старых обоев.

Надя взяла его в руки и, осмотрев, сунула Еве, та отдала Маше.

– Что он сказал?

– Сказал, что все это ерунда. Рита была одна, а значит, выбросилась по собственному желанию. – Лера забрала клочок и положила его в сумку.

– По собственному желанию... Как будто с работы уволилась. – Ева подозрительно громко высморкалась. – Она же хотела поехать с вами...

– Хотела, да передумала, – сказала Надя. – Официально Рита покончила с собой. На видеозаписи все видно.

– Камера была установлена в коридоре у лифта. В комнате, откуда Рита выпала, видеонаблюдение не велось, – Маша прикурила изящную сигаретку. – Ребята из охраны сказали. Все не так однозначно. Никто не знает, кто ждал ее там, внутри. К тому же во всех лифтах заблокированы седьмые кнопки. Непонятно, как Рита смогла попасть на седьмой

этаж. Пойдите... – она замедлила шаг.

– Что? – Лера заинтересованно обернулась.

– В то же время туда отправился один арендатор. Может быть, он что-то видел.

– А вдруг это он убил Риту? – всхлипнула Ева. – Что, если они знакомы?

– Вряд ли, – усомнилась Маша. – Может, с ним поговорить?

– Поговори, – вмешалась Лера. – Спроси, только не в лоб. Ты это умеешь.

– Она же хотела поехать с вами! – Ева заплакала. – Почему вы ее не взяли?!

– Я тебе говорила. Она выскочила из лифта. – Маша на ходу затянулась дымом. – В одном ты права, лучше б мы вышли с ней.

– Как страшно, – сказала Надя, глядя себе под ноги.

Подругам не оставалось ничего другого, как с ней согласиться. Они шли молча, их обгоняли участники похоронной церемонии, кто-то прощался, кто-то просто кивал.

– Сегодня пропустим серию, – сказала Ева больным голосом. – Не поверите, когда не смотрю очередную серию – чувствую себя предательницей. – Она вздохнула: – Какое счастье жить для него.

– У твоего Люсика опасная профессия, – заявила Маша. – Актрисы, поклонницы. Случись что, тебе будет очень больно.

– А что может случиться? Мы любим друг друга. – Ева на мгновение закрыла глаза. – Но если вдруг... Я не знаю, как буду жить без него.

Подруги вышли за ворота кладбища и, миновав торговки цветами, направились к автомобильной стоянке.

Заметив машину мужа, Надя остановилась:

– Ну, всем пока, – она замерла, вспомнив, что Риты нет. – И пусть ей будет земля пухом.

* * *

Барсуков сидел за рулем джипа. Компактной, крепко сбитой фигурой Сергей походил на ладно подогнанный механизм. Ему было сорок четыре. Загорелый, русоволосый, с лучиками морщин у синих глаз, Сергей мог сойти за эльзасского немца, если бы не его молдавские корни. Самым невообразимым образом в этом человеке соединилось несочетаемое: прижимистость, расчетливое мотовство, бесстрашие и разумная осторожность.

Лучше всех его знала Надя. Сидя на переднем сиденье, она ждала, когда он заговорит, чувствовала: ему есть что сказать.

– Как все прошло? – спросил наконец Сергей и тронулся с места.

– Как обычно, – сказала Надя.

– Выходит, Рита покончила с собой? – закладывавая крутой

вираж, он без усилия вывернул руль.

– В ее кабинете тоже есть окно. Ей незачем было идти на седьмой этаж, чтобы прыгнуть оттуда.

– Баба, у которой съехала крыша...

– Ошибаешься, – Надя заговорила с менторской интонацией, но, одумавшись, быстро сменила тон. – В тот день Рита была такой, как всегда.

– Надя... – Сергей помолчал. – Поговорим о работе. Ко мне подходила Валентина Николаевна. Если честно, я устал.

– Ты сам приучил сотрудников доносить. Чего ж теперь жаловаться? Они угадывают твои желания.

– То есть?.. – Сергей повернул голову и заглянул Наде в лицо с неприязнью.

– Ты все время ищешь предлог...

– Предлог для чего? – перебил ее он.

– Для того, чтобы избавиться от меня, посадить меня дома, – сказала Надя.

Сергей выпрямился и отвернулся. Заметив его отражение в стекле, Надя непроизвольно съежилась. Лицо мужа было злобным и сосредоточенным, как будто он только что говорил не с ней, матерью своей единственной дочери, а с чужим, враждебным и неприятным ему человеком.

Он опустил стекло и несколько раз вдохнул воздух.

– Я хоть когда-нибудь...

– Не злись, – Надя сказала это, потому что не хотела ссориться.

– Нет уж, пожалуйста, объяснись.

– Ты сам знаешь. Всегда найдутся люди, готовые сделать все за тебя.

– Между прочим, Валентина Николаевна никогда не говорит о тебе плохо...

– В открытую. Но делает все, чтобы выставить меня идиоткой. Тебе хорошо известно, что она стерва и сплетница. Скажи, зачем держать таких людей рядом с собой?

– Валентина Николаевна – опытный финансовый аналитик. Она как цепной пес, стоит на страже моих интересов.

– Твоих, – подтвердила Надя.

– наших, – поправил себя Сергей. – На страже интересов фирмы. Мне и самому надоело, что тебя держат за идиотку. – Он по-свойски положил ладонь на колено жены. – Поэтому говорю: хватит. Уходи. Садись дома, займись собой или поезжай куда-нибудь отдохнуть.

Надя изо всех сил сдерживалась, чтобы не сбросить руку мужа, она чувствовала в его голосе фальшь.

– Я мешаю тебе? – спросила она.

После этих слов он и сам убрал руку с ее колена и безнадежно ею взмахнул:

– А-а-а... – что означало: «Делай как знаешь».

Когда Сергей остановился у бизнес-центра, Надя первой выбралась из машины. Присмотрев Машу, чуть задержалась, но та заговорила с каким-то мужчиной. Сообразив, что ее не дождаться, Надя в одиночестве направилась к зданию.

Маша припарковала свой «Пежо» возле темного «Мерседеса», каких было много рядом с «Пресней Палас». Между тем именно к этому «Мерседесу» шел Николай Иванович Слезь. Завидев его, водитель включил двигатель.

Николай Иванович хотел сесть в машину, когда заметил Машу. Взгляд его потеплел, он захлопнул дверцу:

– Здравствуй. Ах, как это я удачно...

– Здравствуйте, Николай Иванович. Теперь мы видимся каждый день.

– И всегда при свидетелях. – Он обнял ее за плечи, но Маша кокетливо отстранилась.

– Что вы задумали?

– А вот этого я тебе не скажу. Ты сегодня до скольких работаешь?

– До пяти.

– Заеду за тобой в пять. Выйдешь?

– Если Кравченко не задержит.

– С ним мы договоримся.

– Лучше не надо. – Следуя укоренившейся привычке, Маша отметила, что автомобиль Николая Ивановича – последней модели, сиденья обтянуты натуральной кожей, а комплектация – по полной программе. – На свидание приглашаете? – спросила она.

– Выйдешь?

– Не знаю. – Маша была значительно ниже его ростом. Снизу ей были видны складки на морщинистой шее кавалера. Однако, взглянув на лацкан дорогущего пиджака, она немного смягчилась и, вспомнив про обещание, данное подругам, сказала: – Может быть, завтра...

– Завтра встретимся еще раз. Значит, сегодня в пять!

Опустив глаза, Маша очаровательно улыбнулась.

«Скромницу из себя корчит, – мысленно усмехнулся Николай Иванович. – А ведь не девочка – лет двадцать семь ей, не меньше».

На самом деле Маша пыталась оценить его обувь.

Ботинки Николая Ивановича вытягивали на твердую пятерку.

Глава 4

Зловещие знаки

В бизнес-центре «Пресня Палас» воцарилась атмосфера тотального беспокойства. По общему мнению – самоубийство в канун Рождества было зловещим знаком.

По офисам гуляло несколько версий гибели Риты Сцейпек. К концу недели у подавляющего большинства служащих сформировалась версия неразделенной любви. Оставалось только выяснить, кто тот загадочный субъект, ради которого она лишила себя жизни.

Чтобы развеять слухи и снять напряжение, администрация затеяла праздничный карнавал. К участию пригласили всех. Дата была назначена, и служащим сообщили, где взять новогодние костюмы.

Лера сидела за столом в приемной конторы Шостока и смотрела в окно на недостроенный остов третьего корпуса.

Возвращаясь к обстоятельствам гибели подруги, она не верила, что Рита сама убила себя. Такое ее убеждение расходилось с официальной версией, а значит, его необходимо доказать. Но доказательств у Леры не было.

До слез ее огорчил формальный подход следователя: он использовал запись видеокамеры как предлог для того, чтобы закрыть дело, не выслушал свидетелей, пренебрег важ-

нейшей уликой.

Лера достала ключок обоев и положила его на стол. Темно-зеленый фон с золотистыми черточками наподобие «елочки».

«Как он оказался в руках Риты? Вытащила его из сумки? Но зачем такое таскать с собой? Какой смысл? Лет тридцать назад подобные обои можно было встретить в московских квартирах, но их вряд ли использовали в оформлении интерьеров «Пресни Палас»...»

Приближался конец рабочего дня. Сотрудники адвокатской конторы один за другим заходили в приемную сдавать документы. Всякий раз, когда открывалась дверь, Лера надеялась увидеть комендантку. Филиция Павловна обещала привести рабочего, чтобы исправить дверной замок.

«Неразделенная любовь... – Лера повторила слова, которые часто слышала в эти дни. – Какая глупая фраза. Зачем же ее делить?»

Собрав со стола папки, она поднялась с кресла и отправилась в кабинет Шостока.

* * *

По коридору в сопровождении рабочего шествовала Филиция Павловна Кондюкова. Она добросердечно улыбалась проходящим мимо нее сотрудникам бизнес-центра.

«Берегитесь тех, кто приходит в овечьей шкуре, внутри

они – волки хищные», – кто бы ни сказал эти слова, их по праву можно было отнести на счет Филиции Павловны.

В советские времена, когда закладывался фундамент ее личности, Филиция проживала в городе Краснодаре. Нужно заметить, что образ ее жизни не имел ничего общего с Кодексом строителя коммунизма. Философский вопрос: «Иметь или быть?» в ее интерпретации звучал как утверждение: «Быть, чтобы иметь».

Таких, как она, называли спекулянтами. Купить подешевле, продать втридорога – это позволяло ей жить намного лучше других.

В период становления рыночной экономики Филиция Павловна работала в налоговой инспекции, где хорошо усвоила одну христианскую заповедь: *«Прощение ближнего – самая большая добродетель»*. Следуя ей, она сколотила небольшой капитал за счет подношений «ближних» и получила несколько лет тюрьмы.

В ходе следствия выяснилось, что, inspecting бухгалтерскую отчетность, она вымогала взятки. Когда в зале суда оглашали их суммы, присутствующие завистливо ахали.

Конечно же, Филиция Павловна пыталась оплатить свою невиновность, но, увы, сотрудники прокуратуры жили не по заповедям. Словом, христианские добродетели в этом учреждении не освобождали от уголовной ответственности.

Спустя несколько лет, уже будучи на свободе, она переехала в столицу, где сочеталась законным браком с восьмидеся-

тилетним старцем (самой ей не было и пятидесяти). Пропившись на жилплощади мужа, Филиция Павловна присвоила себе почетное звание «коренной москвички» и с гордостью носила его.

Теперь она работала комендантом бизнес-центра «Пресня Палас», и сотрудники называли ее ласково – Шанта-Жорка.

– Заходите, Олег Иванович, – Кондюкова распахнула дверь, ведущую в приемную Шостока.

Пропустив рабочего, сама зашла внутрь. Оглядев помещение и заметив, что там никого нет, приблизилась к столу и принялась с интересом рассматривать лежавшие на нем документы.

– Филиция Павловна, – нерешительно произнес Олег Иванович, в его голосе прозвучало неодобрение.

– А вас никто и не спрашивает, – огрызнулась она. – Стойте себе в уголке и ждите, пока позовут.

Из кабинета Шостока вышла Лера. Заметив ее, комендант испуганно вскрикнула:

– Ах! Простите. Задумалась, а тут – вы.

– Здравствуйте, – сказала Лера.

– Кстати, я сегодня уже заходила, – сообщила Кондюкова.

– Я задержалась на похоронах, – Лера прошла к столу.

Филиция Павловна отступила. Обшаривая глазами приемную, она не забывала сладенько улыбаться.

– Понимаю вас, Лера, голубушка. Пережить смерть близ-

кого человека...

– Вы о Рите? Мы были подругами.

– Я и говорю – тяжело пережить смерть подруги.

Лера удивленно взглянула на Филицию Павловну. Та, спохватившись, стерла с лица улыбку.

– Шосток у себя?

– Уехал.

– До праздников еще о-го-го... Я слышала, он женился?

– Да, неделю назад, – подтвердила Лера.

– Если не ошибаюсь, в четвертый раз. – Подняв глаза к потолку, Филиция Павловна посерьезнела. – Сменили кондиционер? Что-то не припомню, чтобы вы подписывали разрешение на замену оборудования.

Лера натянуто улыбнулась:

– Уверена, что Шосток уже решил этот вопрос. Или решит. – Она заметила рабочего: – Здравствуйте, Олег Иванович. У нас сломался дверной замок. Кстати, – Лера потянулась к сумочке: – Вот ваша зажигалка. Вы забыли ее в кафе.

– Впервые вижу, – буркнул Олег Иванович и, осмотрев дверь, принялся выкладывать инструменты.

– Как странно... – Лера озадаченно посмотрела на зажигалку. – Чья же она?

– Когда, говорите, вернется Шосток? – Филиция Павловна улыбалась. Похоже, она узнала все, что хотела.

– После рождественских праздников.

– Так, значит, после праздников я и зайду. – Поддавшись

накатившему благодущию, Кондрюкова вздохнула: – Бедная Риточка, какое несчастье. Двух недель не прошло, и вот вам опять... – Заметив, что Лера не понимает, о чем идет речь, Филиция Павловна с увлечением начала рассказывать: – Голубушка, да вы ж ничего не знаете! Конечно, это конфиденциальная информация. Кравченко запретил, но вам я скажу... – Она придвинулась ближе. – Помните Реутова? Высокий такой блондин из рекламного агентства на пятом. Женщинами еще сильно интересовался...

– Конечно, помню.

Филиция Павловна зашептала:

– Умер. Погиб при загадочных обстоятельствах. – Оглянувшись на Олега Ивановича, она продолжила: – Только прошу вас, никому. Кравченко считает, что арендаторам лучше этого не знать.

– Странно. Маша мне ничего не рассказывала.

– Ее дело в приемной сидеть да глазками хлопать.

– Как он погиб?

– Вечером отправился в третий корпус...

– Тот, что сейчас строится? Но зачем?

Филиция Павловна развела руками:

– Вопрос...

Лера взглянула в окно на стройку. Кондрюкова тоже посмотрела туда и драматически прошептала:

– Оступился. Ударился головой. Упал в емкость с бетоном. Там его и нашли. Рабочие заметили торчащую руку. –

Филиция Павловна встрепенулась и, направляясь к двери, спросила: – Так, значит, я зайду после праздников?

– Да-да, – ответила Лера.

Глава 5

Здесь не кино

Парикмахерские салоны «Саваста Фьоре» – известный международный бренд, который на протяжении нескольких десятилетий принадлежал одному итальянцу. Как писали в модных журналах, Лукино Саваста Фьоре придумал новую философию парикмахерского искусства: *«Естественно – значит модно»*.

Идея природной красоты волос вдохновила знаменитого парикмахера на использование обычной хны, которая в его арсенале имела множество оттенков. Русские клиентки, которым предлагали окраску волос хной, не догадывались, что «бабушкино средство» с легкой руки Лукино Саваста Фьоре теперь косметический бестселлер.

Чтобы донести новую философию до русских коллег, в московском офисе именитой фирмы проводились непрерывные тренинги парикмахеров. Миланские мастера приезжали вахтовым методом, потому что больше года в Москве не выдерживал ни один из них.

Обучение проходило на специальных манекенах. Чтобы не слишком на них тратиться, хозяйка московской фирмы придумала использовать еще и головы добровольцев. Попасть в их число стремилось все женское население биз-

нес-центра. Да и кто откажется получить отличную стрижку или окрасить волосы на халяву?»

В тот день в салоне «Саваста Фьоре», как всегда, звучала итальянская музыка. Пел Адриано Челентано. У зеркал работали парикмахерши. Рядом с каждой из них на спинке кресла был закреплен манекен головы с волосами. Между креслами расхаживал Андреа, итальянец лет тридцати. За ним повсюду следовала Ева Полонская. Андреа поочередно оценивал стрижки, которые выполняли стажеры. Остановившись возле рыжей девушки-парикмахера, он что-то произнес по-итальянски.

– Что он сказал? – спросила она.

– Сказал, что слишком большой объем. Нужно выщипать на затылке. – Ева раскрыла журнал и сделала в нем отметку в графе напротив фамилии рыженькой.

Итальянец приблизился к другой парикмахерше. Взглянув на ее работу, сказал по-русски:

– Га-а-авно, – а потом рассерженно направился к двери. – Вадо а столовая!

– Что на смеси итальянского с русским означало: иду в столовую.

– Значит – двойка, – «перевела» Ева и поставила оценку в журнал. Захлопнув его, она подняла голову и заговорила громко, так, чтобы все слышали:

– Завтра – стажировка на добровольцах! Желающих родственников или подруг записывать у меня. Есть свободное вре-

мя. Стрижка, окраска, флэш, шатуш, хна. Все бесплатно.

Сделав объявление, Ева направилась к офисной стойке. За ней проследовала рыжая парикмахерша.

– Можно записать маму?

– Что будем делать? – Ева открыла тетрадь.

– Шатуш и окраска хной.

– Завтра в пятнадцать ноль-ноль. Идет?

– Идет.

Сделав отметку, Ева закрыла тетрадь, но девушка не уходила.

– Еще что-то? – спросила Ева.

– Хотела тебя спросить. Это правда, что Григорий Люсин – твой муж?

– Правда.

– Господи, какая же ты счастливая! – воскликнула девушка. – Он такой лапочка! – Она вдруг побледнела и, глядя на входную дверь, попятилась.

В салон вошел Люсик собственной персоной.

– Почему не на съемках? – Ева обняла мужа и чмокнула его в щеку.

– Сегодня быстро закончили.

– Тогда я тоже уйду пораньше, – Ева потрепала его волосы.

– Не стоит. – Люсик отвел ее руку и, покосившись на парикмахерш, кивнул на диван в дальнем углу салона: – Сядем, нужно поговорить.

Они сели.

– Что-то случилось? – спросила Ева.

– Мне... Ты не знаешь, где та рубашка с высоким воротником?

– В химчистке.

– Завтра у меня интервью на телевидении, в прямом эфире...

– Ты будешь один?

– На четвертом канале... – для чего-то уточнил Люсик.

– Ты будешь один? – переспросила Ева.

– С Рюминой. – Он сунул руку в карман, вытащил оттуда ключи и протянул Еве. – Мне нужен развод. Я ухожу.

– Куда? – Она глупо улыбнулась. – Куда ты уходишь?

– Пока к друзьям, а когда вернусь из Дубая, что-нибудь придумаю.

Продолжая улыбаться, Ева перевела взгляд на ключи в руке Люсика.

– Ты можешь пожить дома... – Постепенно улыбка сползала с ее лица. – Постой, ты сказал, что едешь в Дубай? Значит... ты едешь с Рюминой? – Она вдруг закричала: – Ты уходишь к ней?! Отвечай!!

Музыка смолкла, и в салоне повисла абсолютная тишина. Сбившись в кучку, парикмахерши внимали каждому слову. Оглянувшись на «зрителей», Люсик вдруг закричал высоким, сбивающимся на фальцет голосом:

– Здесь вам не кино!

Он швырнул Еве ключи и выбежал из салона.

* * *

Барсукова искала ошибку в бухгалтерской отчетности и не находила. По собственным данным, она сработала «тютелька в тютельку», но по статистике, которую предоставила Голикова, выходило, что Надя нанесла фирме большой ущерб.

Она встала, подошла к двери, раздвинула жалюзи. Через стекло увидела мужа, который, развалившись, сидел в своем кресле. Она любила Сергея, несмотря на то что в последние годы они жили не слишком дружно. Бизнес рос, появились большие деньги, а с ними большие возможности. Пользуясь тем, что жена посвятила себя семье, Сергей все чаще возвращался домой за полночь.

В одну из таких ночей Надя бродила по дому. Зашла в пустую комнату дочери, поправила одеяло и вдруг заплакала, вспомнив: когда-то она верила в то, что Сергей – идеальный мужчина ее жизни.

Утром она потребовала развода. Еще не протрезвевший Сергей был потрясен. В результате долгих переговоров они все же решили сохранить семью на определенных условиях. Надя выдвинула требование, взять ее на работу. На что Сергей согласился, сцепив зубы.

Таким образом, Надя дала понять мужу, что и она далека

от идеала и что любая система сил пребывает в равновесии до тех пор, пока действие равно противодействию. А если противодействия нет, то равновесие, увы, невозможно.

Мимо двери прошла Ольга Шалаева, директор магазина «Барсуksпецoдежды». Заметив Надю, она улыбнулась.

Надя вернулась к столу, села и бездумно уставилась в монитор: на столбики чисел, которые отображали ее трудовую деятельность за прошедший месяц.

«Не могла же я потерять двадцать пять миллионов... Господи... Должно же и мне когда-нибудь повезти...» – думала она, доставая папку с дубликатами отгрузочных документов.

Первый же документ, который она увидела в папке, поверг ее в замешательство. Надя сверилась с таблицей на мониторе. Выронив листок, уткнулась носом в ладони, а когда отняла руки, ее лицо победно сияло.

В этот момент она поняла, что везение зависит не столько от счастливой случайности, сколько от собственной предусмотрительности.

Глава 6

Были одним целым

С наступлением темноты сварочные сполохи на строительстве третьего корпуса стали похожи на огни святого Эльма. Лера вспомнила, у моряков это считалось хорошим знаком.

В ее случае примета не подтвердилась: в половине шестого на пороге приемной появились Шосток и его супруга.

У Леры от удивления вытянулось лицо.

– Здравствуйте... Вы вернулись? Как же так?

Леночка, не здороваясь, прошла в кабинет. Шосток остался:

– Пришлось. Звонил Кузьмичев. Принеси документы по его разводу и позови Гринькова...

Забыв о корпоративной этике, Лера спросила:

– Что-то случилось?

Шосток снял очки и покачал головой:

– Этот жлоб выкрал детей, а жену и тещу запер в психушке. Их, конечно, через неделю выпустили, только теперь адвокат мадам Кузьмичевой порвет нас, как Тузик грелку. Завтра придется объяснять этому дебилу, что, желая сэкономить на алиментах, он получил куда большие неприятности.

– А как же теперь ваш отпуск?

– Отпуск пропал, – сказал Виктор Иванович. – Адвокаты еще на месте?

– Да.

– Не забудь позвонить Гринькову.

Шосток зашел в кабинет, а Лера подняла трубку:

– Срочно к шефу... – Она понизила голос: – Приехал.

Спустя минуту в приемную ворвался Гриньков, юркий, коротко стриженный очкарик в сером костюме.

– Неужели вернулся? – спросил он.

– Пошли, – Лера взяла папку и вместе с Гриньковым направилась в кабинет.

Виктор Иванович сидел в своем кресле, Леночка стояла за его спиной у окна. Когда в кабинет вошла Лера, она обернулась:

– Тут пыль.

– Оставь, Лена, не придирайся. Ты открывала окно, а во дворе – стройка, – сказал Шосток.

Леночка приблизилась к Лере:

– Твоя сотрудница должна знать, что работает в приличном месте.

– Я знаю. – У Леры появилось ощущение, что сказанное к ней не относится, но Леночка развеяла все сомнения.

– Повторяю, вы работаете в приличном месте... – Она обошла вокруг нее, оглядев с ног до головы. – И так одевайтесь.

– Как? – спросила Лера.

– Скучно. Мой муж вам слишком много платит. Купите другой костюм. И уберите наконец эту кичку! – Леночка имела в виду аккуратный пучок, в который Лера укладывала свои длинные волосы.

– Вы полагаете, что можете делать мне подобные замечания?

– Она еще и дерзит...

– Дай-ка, – Виктор Иванович взял у Леры папку. – Совсем забыл, нужно забрать счет из рекламного агентства.

– Хорошо... – Лера перехватила сочувствующий взгляд Гринькова.

Выйдя из кабинета, она твердо решила не совершать глупых поступков и обуздала обиду.

* * *

Рабочий день рекламного агентства «Пропаганда» закончился десять минут назад. Секретаршу, у которой следовало забрать счет, Лера застала у ресепшен, та надевала куртку.

– Здравствуйте, мне нужен счет, – сказала Лера.

– Адвокатская контора Шостока? – Девушка отыскала бумагу и протянула Лере, ожидая, что та сразу уйдет.

Но Лера не торопилась:

– Я слышала, Реутов...

– Умер. Завтра выходит новый начальник маркетинга, – затараторила секретарша. Она поддела ногой коробку, сто-

ящую под столом. — Сколько хлама выгребла! Накопил. Видать, никогда не прибирал в ящиках.

Покосившись на коробку, Лера уставилась в счет, делая вид, что внимательно его изучает.

Выждав пару минут, секретарша закинула на плечо сумку.

— Что еще?

— Нужно это проверить.

— Мне некогда. Зачем его проверять? — Казалось, еще немного, и она покрутит пальцем у виска.

Не дождавшись ответа, секретарша ушла, а Лера без промедления «нырнула» под стол. Она еще не знала, что хочет найти в коробке, просто чувствовала: в ней что-то есть. Под руку попадались блокноты, ежедневники и глупые сувениры. В рамочке, валявшейся на дне коробки, Лера нашла фотографию, на которой стоял молодой Реутов в обнимку с каким-то парнем, оба в футбольной форме. Лицо второго показалось ей знакомым.

На исходе второй минуты Лера выудила из коробки конверт, к которому был пришпилен кусок знакомых обоев.

* * *

Когда Лера вернулась в контору, в приемной ее ожидал Олег Иванович, он протянул связку ключей:

— Все сделал. Проверьте.

Лера взяла ключи:

– А где Шосток?

– Ушел. И дочку свою увел.

– Это не дочка. Это его жена.

– Надо же, а по виду как дочь.

Лера замкнула дверь на замок, потом отомкнула.

– Спасибо, Олег Иванович, работает как часы. – Она подошла к столу. – И все-таки заберете свою зажигалку или мне ее выбросить?

– Говорю вам, она – чужая, – упорствовал он. – У меня отродясь таких не бывало.

– Каких?

– Таких дорогих.

– Дорогих?.. – Лера вынула зажигалку. – С чего вы взяли, что она дорогая?

Олег Иванович нехотя подошел, взял зажигалку, подкинул, как будто взвешивая:

– Гляди, какая тяжелая.

Теперь и Лера заметила, что она золотая.

– Действительно... Что же мне делать? Звонить следователю? Может быть, он знает, чья она?

– Позвони, – согласился Олег Иванович и, попрощавшись, покинул приемную.

Лера быстро достала сумку, вынула из нее обойный клочок, выпавший из рук Риты, надела очки и приложила его к только что найденному в коробке Реутова. Ей сразу удалось сложить их по месту разрыва, выходит, когда-то оба куска

были одним целым.

Подняв глаза, Лера задумчиво посмотрела на черные окна стройки. Затем убрала все в сумку, выключила свет и вышла из офиса.

Послышался скрежет повернувшегося в замке ключа.

Дальше была тишина...

Глава 7

Все к тому шло

В салоне «Саваста Фьоре» перед зеркалом, укрытая пеньюаром, сидела Маша. Возле нее с феном в руках крутилась рыжая девушка-парикмахер.

– Да-а-ай-й-й-й! – Сказав это, Андреа выхватил фен из рук парикмахерши.

Она отступила в сторону, предоставив итальянцу самому закончить прическу. Маша округлила глаза и понимающе ей подмигнула.

Отбивая ногой такт, Андреа вытянул прядь белокурых волос под точно выверенным углом и со всех сторон просушил ее феном. Закинул прядь за ухо, запустил руку в волосы и растрепал их. Отошел, посмотрел и снова взлохматил волосы. Переместив с места на место еще несколько прядей, он, кажется, остался доволен результатом и развязал пеньюар:

– Прего!²

– Спасибо, – Маша поднялась с кресла и посмотрела в зеркало: – Прелесть!

Андреа отдал фен парикмахерше, а Маша ее спросила:

– Где Ева?

Девушка опустила глаза:

² Прошу! (ит.)

– В нижнем кафе...

– С чего это вдруг в конце дня? – Маша испытующе взглянула на парикмахершу. – У нее все в порядке? – И, не дожидаясь ответа, она поспешила к выходу.

В кафе было тихо. Ева сидела за столом, где они обычно обедали.

Перемешивая остывший чай, она безучастно смотрела на экран телевизора. Шел повтор дневной серии «Шелкового сердца». На больничной кровати лежала замотанная в бинты Рюмина. Перед ней на коленях стоял Люсик.

– Что случилось? – спросила Маша.

– Он меня бросил. – Ева машинально мешала чай.

Маша опустила на стул и перевела взгляд на экран. Там проходила ретроспектива воспоминаний: страстный поцелуй Люсика с еще целехонькой Рюминой.

– Он ушел к ней. – Ева не отрывала взгляда от телевизора. – Завтра у них прямой эфир на четвертом. Скажи, Маша, как жить?.. – Ева заплакала.

Волкова обняла ее:

– Он сам тебе об этом сказал?

Ева протянула руку и разжала побелевший от напряжения кулак. На ладони лежала связка ключей.

– Ясно, – обронила Маша. – Все к тому шло. Кобель... – она снова посмотрела в телевизор. – И Рюмина тоже – сучка. Ладно бы только перепихнин... Так нет же, из семьи увела.

Ева сосредоточенно смотрела на экран, как будто прини-

мая какое-то очень важное решение.

– Прическу сделала? – спросила она, не поворачивая головы.

– Да.

– Куда собралась?

– На свидание с одним «ничего себе».

– Старый?

– Кто? – удивленно спросила Маша.

– Этот твой «ничего себе».

– Да нет. Лет пятьдесят пять.

– Смешная ты, Машка, – Ева достала телефон. – Пятьдесят пять для тебя не старый...

– Какая разница... Он разведен, квартира в центре Москвы. – В голосе Маши прозвучала обида. – Вы же сами просили узнать, не видел ли он чего.

– Ну, иди, – Ева утерла слезы и, набрав номер, приложила телефон к уху: – Лида, здравствуй. Это жена Люсина. Пожалуйста, закажи для меня пропуск в студию. Да, на прямой эфир. Хочется его поддержать. Спасибо. – Закончив разговор, Ева сказала Маше: – Иди, а то опоздаешь.

Маша быстро направилась к выходу. Натягивая на ходу шубку, она пересекла вестибюль и вышла на улицу. Было темно, у подъезда разноцветными огнями сияла елка. Вдохнув морозного воздуха, Маша улыбнулась, накинула капюшон и побежала к автомобильной стоянке. Навстречу ей из машины вышел незнакомый мужчина:

– Прошу...

– Вы от Николая Ивановича? – спросила Маша. – А где он сам?

– Занят. Просил привезти вас к нему.

– Он дома?

– Да, – сказал мужчина и распахнул дверцу машины.

Маша забралась внутрь. Автомобиль тронулся, но поехал не в центр города, как ожидала она, а в сторону области, к Московской кольцевой дороге.

* * *

Рабочий день заканчивался. Сотрудники «Барсукспец-одежды» готовились расходиться по домам. Женщины выставляли на столы свои сумочки, мужчины расслабленно переговаривались.

Сквозь жалюзи Надя наблюдала за тем, что происходит в офисе. Глядя на нее, можно было подумать: она чего-то ждет. Так оно и было. Она выжидала нужный момент, и он наступил.

Распахнув дверь, Надя вышла из кабинета, прошла через весь офис. Навстречу ей двигалась Голикова. Заметив Барсукову, она изобразила крайнее расположение. Надя тоже ей улыбнулась:

– Давно хотела сказать...

– Что? – В голосе Валентины Николаевны прозвучало уча-

стие.

– У вас очень красивая кофточка.

– Спасибо.

Между тем на них начали обращать внимание. Сергей с напряжением следил за обеими женщинами. Заметив в руках жены документы, он непроизвольно встал с кресла.

Надя сделала несколько шагов, но вдруг обернулась.

– И еще... – обратилась она к Валентине Николаевне: – Совсем забыла... Насчет моего отчета по фабрикам.

– Да-да, – поддакнула Голикова.

– В нем нет ни одной ошибки. – Надя протянула документы.

– Да что вы говорите...

– А вот в вашей свертке, – продолжила Надя, – ошибок хоть отбавляй. Знаете, при всем уважении, не понимаю, как вам доверили работу финансового аналитика.

Валентина Николаевна вспыхнула и метнула взгляд на Сергея. Тот слышал каждое слово, но, судя по выражению лица, не определился, на чьей он стороне.

– Двадцать пять миллионов. Милочка, вы потеряли двадцать пять миллионов, – проворковала Голикова.

– Во-первых, я вам не милочка, – сказала Надя. – Во-вторых, двадцать пять миллионов потеряли вы. А я их нашла.

Валентина Николаевна снова оглянулась на Барсукова, но, не заметив поддержки, принялась озираться по сторонам. За ними внимательно наблюдали сотрудники.

– Ха-ха-ха! – засмеялась Голикова. – Да нет же. Я на голову покамест не жалуюсь.

– А надо бы вам провериться. – Говоря это, Надя вполне отдавала себе отчет, что идет ва-банк. – Возможно, вам нужен отдых. Переутомились, считаючи.

За столами начали похихикивать. Лицо Голиковой побагровело.

Надя оставалась невозмутимой:

– Вы не учли несколько отгрузок готовой продукции, которые были проведены транзитом: с фабрики – прямиком к покупателю, минуя наш склад. Кстати, в результате сокращения пути вышла изрядная экономия.

– Бросьте. Этого просто не может быть. Во всем виноваты вы! Неужели не ясно, что вы делаете слишком много ошибок!

– А вы проверьте, Валентина Николаевна. Ничего, кроме своих ошибок, вы не найдете, – Надя выразительно посмотрела на мужа.

Голикова выхватила из ее рук документы, но, не удержав, выронила.

Оказавшаяся поблизости Шалаева на лету подхватила пару листов.

– Молодец, – заговорщицки шепнула она Наде.

Спустя минуту сотрудники «Барсукспецодежды» наблюдали за тем, как в Надином кабинете поднимаются опущенные жалюзи.

Глава 8

Женская злонамеренность

Маша смотрела в окно, за которым проносились темные силуэты деревьев. Стараясь примечать дорожные указатели, она сжимала в руке телефонную трубку. Звонить сейчас и говорить, что ее похитили, было бы глупо, она и сама ни в чем еще не уверена. Спросить у водителя, не похитил ли он ее, будет еще глупее. Оставалось только сидеть и ждать.

Автомобиль свернул с дороги и спустя несколько минут заехал в ворота, которые тут же за ним закрылись. Машина проехала еще метров сто пятьдесят и остановилась у трехэтажного особняка. Водитель вышел, а Маша приготовила телефон, чтобы нажать кнопку вызова (она заранее набрала 911).

– Прошу, – справа от нее распахнулась дверца.

Немного подумав, Маша вылезла из машины.

– А где Николай Иванович?

– Он в доме. Скоро освободится.

Сначала ее напугало то, что в окнах нет света. Разглядев ставни, она успокоилась. Взойдя на крыльцо, Маша споткнулась, водитель поддержал ее и, открыв дверь, пропустил вперед.

В доме стояла тишина. Обширный холл застлан ковром,

на стене – тусклая лампа. Широкий проем, по-видимому, ведущий в гостиную, зашторен порттьерами, сквозь узкую щель между ними пробивалась полоска света.

– Сюда...

Лестница наверх была покрыта ковровой дорожкой, что показалось Маше несколько старомодным. На втором этаже – зеленый ковер и пустые вазы. Здесь пахло пылью.

Открыв третью по счету дверь, водитель сказал:

– Здесь вы можете снять шубу и вымыть руки.

Маша зашла в комнату, за ее спиной раздался щелчок. Выждав, когда затихнут шаги, она придавила ручку. Дверь открылась, и Маша с облегчением выдохнула.

Она оглядела комнату, это была спальня. Сняв шубу, Маша прошлась в поисках шкафа, сдвинула зеркальную дверь и ахнула: перед ней возникло богатейшее собрание дамских шуб, одежды и великолепной обуви.

Чего здесь только не было: меховые манти от Фенди, сверкающие джинсы от Дольче и Габбана, вечерние платья от Армани и прозрачные блузочки от Рокко Барокко.

– Боже ты мой...

Закрыв дверь гардеробной, она прошла в ванную. У зеркала оглядела строй духов, выбрала сиреневый флакон и пшикнула на запястье. Понюхала, потом вымыла руки с мылом.

В дверь постучали.

– Да, пожалуйста! – Маша поторопилась выйти из ванной. Это был тот же водитель. Не заходя в комнату, он объявил:

– Николай Иванович ждет вас внизу.

– Я готова.

Ее провели в гостиную. На этот раз портьеры были раздернуты. Первое, что увидела Маша: мужскую руку с бокалом. Из-за спинки массивного кресла, стоящего у камина, сидящего в нем было не видно.

Услышав шаги, Николай Иванович встал и жестом пригласил ее к эркеру, где был накрыт стол. За окном во дворе стояла новогодняя елка.

– У вас очень красивый дом, – похвалила Маша.

– Ну-ну, не слишком-то усердствуй, лапуля. Я и сам это знаю. Жаль, что редко здесь бываю. Дела... – Он махнул водителю, и тот вышел. – Садись. Очень хочу есть.

Николай Иванович уселся напротив Маши и взял бутылку вина.

– Выпьешь?

– Немного, – сказала она.

– Вот и умница... Вот и молодец... Давай не жеманничай, накладывай, чего тебе хочется.

Он разлил по бокалам вино.

– Скажи-ка, милая девочка, а что у тебя с Кравченко?

– Он – мой начальник, – ответила Маша.

– Начальник или хозяин? – поинтересовался Слезь.

– Начальник, – с нажимом повторила Маша.

– Я это к чему говорю... К тому, что любая девочка должна быть хозяйской. Тем более такая коза, как ты. Ухоженная,

стройненькая... У каждой женщины должен быть хозяин.

Маша улыбнулась, взяла бокал.

– Николай Иванович, вы женаты? – спросила она.

– Уже нет.

– А чьи это вещи там в спальне?

– Моей бывшей жены.

Маша поставила бокал и сочувственно распахнула глаза:

– Она умерла?

– С чего ты взяла? Жива и здорова.

– Тогда почему ее вещи у вас?

– Это моя прибыль. – Николай Иванович холодно улыбнулся. – Я был женат трижды и, слава богу, твердо усвоил одну истину: свадьба – плохая примета.

– В каком смысле? – спросила Маша.

– Не понимаешь?

– Нет.

– В смысле женской злонамеренности, – пояснил Слезь. – Все бабы лгуны, кого ни возьми.

– А как это связано с одеждой?

– Что мое – то мое. Никому не отдаю того, на что потрачены мои деньги. Пусть даже это булавки или женские подштанники. В чем пришла – в том и ушла. – Он криво улыбнулся: – Усвоила?

Маша опустила глаза.

– Ну-ну, не строй из себя скромницу, – пророкотал Николай Иванович. – Давай-ка мы лучше выпьем! – Он поднял

бокал и взглянул на нее.

Она спросила:

– За что пьем?

– За нас, – сказал Слезь.

Маша выпила. Возможно, оттого, что чуть-чуть захмелела, она решила: наступил удобный момент.

– Николай Иванович, вы уже решили арендовать седьмой этаж?

– А я взад пятками не хожу, – он усмехнулся. – Сказал – значит сделал.

– Вы поднимались туда?

– В тот же день.

– Понравилось? – снова спросила Маша.

– Стены, они и в Африке стены, – он сделал неопределенный жест рукой, как будто отогнал от себя муху. – Главное, чтобы в центре. Кстати, оттуда еще не все съехали.

– Этаж совершенно пустой.

– Да нет, я слышал музыку, потом ее выключили.

– Музыка? Этого не может быть.

– Говорю, там кто-то был.

– Вы сказали об этом в полиции?

Николай Иванович насторожился:

– Это еще зачем?..

– В тот день там погибла женщина.

– Из полиции мне не звонили.

– Как же так... – Маша вмиг протрезвела: – Вас должна

была записать камера наблюдения. У лифта...

– До лифта я не дошел. Прошелся немного, заглянул в пару комнат.

– Вы поднимались не на лифте?

– Нет. Седьмая кнопка была заблокирована. Попробовали в другом – та же история. Поднимались по лестнице. Так же спустились вниз.

– А потом?

– Потом – в гараж, сели с ребятами в машину и – газу.

Маша принялась рассуждать вслух:

– Выходит, на записи вас не было... Вы не дошли до лифта, значит, камера вас не зафиксировала.

– И слава богу, – сказал Николай Иванович.

– Вы сказали, что слышали музыку...

– Краем уха, потом ее выключили. Знакомая такая мелодия, там еще про цветочки... – Николай Иванович прищурился. – Нет, не помню. Надо у охраны спросить, может, они вспомнят. – Он накрыл ладонью Машину руку: – Останешься у меня?

Она высвободила кисть, как будто для того, чтобы посмотреть на часы:

– О-о-о-о... Мне пора. Завтра на работу...

– Почему? – возмутился Слезь.

– Потому что завтра у нас вто-о-о-орник, – пропела Маша. Николай Иванович рявкнул так, что она вздрогнула:

– Я не о том! Ты не хочешь остаться здесь или не хочешь

меня?

– Мне и правда пора... Уже поздно.

– Значит, нет. – Подумав, Николай Иванович снова спросил: – «Нет» вообще или «нет» сегодня?

– Давайте выпьем, – Маша подняла бокал. – На дорожку... и чтобы нам чаще видеться!

– Ах ты, лиса, – он понимающе улыбнулся и тоже поднял бокал. – Ладно, скажу, чтобы тебя отвезли. Но на будущее, лапуля, имей в виду, так просто ты от меня не отделаешься!

Глава 9

Лишним не будет

На следующий день подруги снова сидели в кафе. Маша говорила по телефону, Надя пила кофе, а Ева смотрела, как в телевизоре живет чужой жизнью ее любимый муж Люсик.

К столу подошла Лера и сообщила:

– Две недели назад в «Пресне Палас» погиб еще один человек, – она села на стул.

– Кто? – тихо спросила Надя.

– Реутов из рекламного агентства.

– Тот, что приглашал меня поехать в Анталию? – Маша округлила глаза. – А я-то думаю, куда он делся? Вот всегда так, только засобираешься...

– Не стоит шутить, – сказала Лера. – Он принял страшную смерть. Пошел на строительство третьего корпуса, ударился головой и упал в жидкий бетон.

– А потом? – спросила Ева.

– Потом он умер. Подробности я не знаю.

– Бедняга, – протянула Маша, и улыбка сошла с ее губ.

– Думаю, что его убили, – сказала Лера.

– С чего ты взяла?

Лера выложила на стол кусок обоев и, выдержав паузу, пристроила рядом с ним еще один, пришпиленный к конвер-

ту экспресс-почты.

– Откуда второй? – удивилась Надя.

– Нашла в личных вещах Реутова.

– Кто тебе рассказал о его гибели? – Маша закурила.

– Филиция Павловна.

– Сучка... Этой твари всегда все известно.

– Словом, у Реутова был кусок таких же обоев. Его прислали с курьером. Думаю, Рите – тоже.

– Ерунда какая-то... – Вздохнув, Надя откинулась на спинку стула. – Что связывало Риту и Реутова? – Она повернулась к Маше.

Та пожала плечами:

– Почему ты меня спрашиваешь? Возможно, ее он тоже приглашал в Турцию. С него станется.

– Не думаю, что они с Ритой были знакомы, – усомнилась Лера.

Ева провела пальцами по шероховатой поверхности обоев, будто к чему-то прислушиваясь:

– Странный звук... Словно напоминание о чужой тайне.

– Боже, как романтично, – Маша взмахнула сигаретой, отчего над столом повисла дуга дыма, похожая на вопросительный знак.

– Не иронизируй. – Лера передвинула солонку, и у вопросительного знака появилась недостающая точка. – Может быть, это глупо, но мне кажется, след ведет в чей-то дом или квартиру. Обои. Вот что объединяет Риту и Реутова. – Она

оглядела подруг. – В Ритиной квартире не было этих обоев?
– У нее повсюду венецианская штукатурка. – Надя задумчиво улыбнулась. – По простоте душевной я спросила: «Почему на стенах разводы?» Рита ответила: «Это не разводы, а венецианская штукатурка». Оказывается, это теперь модно.
Маша положила перед Лерой бумажный лист:
– Ты просила узнать адрес Реутова.
– Где взяла?
– Позвонила его секретарше. Та рассказала, что в квартире, где он прописан, обитала только его мать, а сам Реутов проживал за городом.

Лера достала очки и, надев их, прочитала адрес:
– Трехгорный Вал. Это ж совсем близко. Две минуты пешком. Вечером нужно сходить.
– Не думаю, что это поможет, – сказала Надя.
– Во всяком случае – лишним не будет. – Маша с интересом посмотрела на Леру: – Слушай, почему ты не носишь очки? Они тебе очень идут.

Лера сняла очки и положила их в сумку.
– Не люблю. Чувствую себя неуверенно.
– Зря... – сказала Маша и потушила сигарету.
– Кстати, чем закончилось это твое свидание? – спросила у нее Ева. – Что-нибудь узнала? Твой знакомый был на седьмом этаже?

– Был и ничего не видел. Музыку только слышал.
– Откуда там музыка? – засомневалась Лера. – Этаж со-

вершенно пустой.

– Не знаю, – Маша пожала плечами.

– В общем, информации – никакой. Надеюсь, тебе не пришлось расплачиваться сексом?

– Сама знаешь, я о-о-о-очень приличная женщина. Впрочем, зря у него не осталась. Может, подкинул бы денег. До сих пор летнюю резину не поменяла.

– Мелочность тебя погубит, – Лера положила листок с адресом Реутова в карман. – Смотри, узнает Кравченко, накроется новенькая машинка медным тазиком. Кстати, зачем тебе резина, если все равно машину менять?

– Лишним не будет... – Маша откусила кусок пирожного и стала похожа на запасливого щекастого бурундука.

– Дуреха, – глядя на нее, Надя улыбнулась. – Ничему-то тебя жизнь не учит. Все время ходишь по лезвию ножа.

Маша засунула в рот остатки пирожного:

– Думаешь, я не хочу такого мужа, как твой? Хочу. Но таких уже разобрали. В чем же моя вина?

– Кто пойдет со мной на квартиру к Реутову? – спросила Лера.

– Прости, сегодня я не могу, – Надя виновато поежилась. – Работа.

– А у меня свидание с Кравченко. Не приду – машину не купит, – сказала Маша.

Ева развела руками:

– Остаюсь только я.

– Значит, пойдем с тобой.

* * *

В тишине приемной отчетливо прозвучал стук каблучков. Лера подняла голову и увидела жену Шостока.

– Здравствуйте.

– И все? – Леночка наморщила лобик – Я что, фуфло дешевое с улицы? Спроси хотя бы, не нужно ли мне чего.

– Не нужно ли вам чего? – спросила Лера.

– Виктор Иванович сказал, что совещание по Кузьмичеву начнется через десять минут.

– Мне он сказал – в три.

– В три мы поедем... – Леночка улыбнулась. – Впрочем, тебя не касается, куда мы поедем. Твое дело позвать адвокатов. – Она положила на стол пакет и поставила пластмассовую бутылку, похожую на те, что используют для воды спортсмены. – Приготовь и принеси мне на совещание.

Лера взяла пакет:

– Что это?

– Коктейль, заменитель еды. На упаковке – инструкция. Шевелись!

Леночка зашла в кабинет, через несколько минут туда проследовали юристы, среди которых был и Гриньков.

Лера взяла пакет и прочитала инструкцию. Порошок следовало разбавить, но при этом категорически запрещалось

использовать горячую воду. Однако не упоминалось о том, что будет, если пренебречь этим запретом.

Отложив пакет, Лера задумалась. Как ни старайся, работа по исправлению собственных недостатков постоянно дает сбои. Всем известно – не бывает душевной гармонии без примирения с собой и с людьми. Но если с собой Лера мирилась легко, то на таких, как Леночка, она обычно «срезалась». Моральный недуг, которым страдала Леночка, требовал излечения, и Лера знала нужный рецепт. Она включила чайник и всыпала порошок в пластмассовую бутылку. Залив его горячей водой, закрутила горлышко крышкой.

Из двери кабинета высунулась Леночка:

– Я же просила – живей!

– Иду-иду, – отозвалась Лера. Она как следует встряхнула бутылку и сказала вполголоса: – Принимать с раскаянием и надеждой на полное исцеление...

В кабинете Шостока сидели одни мужчины, исключение составляла только его жена.

Шеф распределял поручения:

– Слипченко, займешься списком недвижимости, срочно выводим активы, Егоров – поработай с соседями Кузьмичевой. Нужны письменные доказательства, что дамочка плохо влияла на детей. Все, что угодно: пела матерные частушки, бегала голышом по двору, водила домой любовников. – Он задумался. – Кстати, это неплохая идея. Гриньков, организуй пару парней. Ей все равно детей не видать, а наше дело

– защищать интересы клиента.

– Даже если клиент м...? – грустно спросил Гриньков, но тут же осекся: – Извиняюсь, это я так.

– Даже если клиент сволочь несимпатичная, – серьезно ответил Шосток. – Вы мне эти чистоплюйские штучки бросьте. Я вам не за то деньги плачу. Порядочные они сильно...

Леночка сидела рядом с мужем, листала толстый журнал и, к слову сказать, выглядела довольно привлекательно: нежно-розовый костюм с белыми рюшами гармонировал с бледным, почти бескровным лицом.

– Принесла? – Заметив Леру, она протянула руку. – Дай сюда.

Отдав бутылку, Казанцева отошла в сторону.

– Мне нужно не меньше трех дней, – сказал Слипченко.

Лера наблюдала за тем, как Леночка выкатилась в кресле из-за стола и закинула ногу на ногу. Сапожки на ней были того же цвета, что и костюм, – нежно-розовые.

– У нас нет трех дней, – возразил Шосток. – Все надо сделать к среде.

Леночка потянула запорный штырь, и Лера отступила еще дальше.

Штырь с треском выскочил, одновременно с этим с бутылки снесло крышку. Вспенившаяся жидкость вырвалась наружу, заливая лицо, костюм и сапожки Леночки. Изрядная часть жижи оказалась на лицах и пиджаках адвокатов. Вско-

чив с кресла, Леночка широко разинула рот и завизжала. Теперь она походила на большую коричневую обезьяну.

Шосток протянул ей свой носовой платок. Гриньков стер со щеки каплю, попробовал на язык:

– Шоколадный...

Покидая кабинет, Лера была уверена в том, что отныне ей здесь не работать, однако ни о чем не жалела.

«На войне как на войне», – сказала она себе.

Глава 10

Там кто-то есть

Вечером Лера и Ева поехали на Трехгорный Вал. Машины оставили у «Макдоналдса», дальше метров сто пятьдесят шли пешком. Стоило им свернуть за угол, как они увидели четырехэтажный кирпичный дом, похожий на заброшенный фабричный корпус. Он стоял в темноте без единого огонька в окнах. От соседних жилых домов его отделял решетчатый забор.

Лера сдвинула заграждение и протиснулась в узкую щель, следом пролезла Ева. Во дворе они увидели автокран, за которым тенью притаился бульдозер.

Ева сказала:

– Кажется, здесь ремонт...

– Сносят, – уточнила Лера, указав на огромный пролом в стене.

– Жаль. Хорошенький домик. Кирпичи над окнами – веером.

– Раньше эти дома назывались Прохоровскими спальнями. По названию фабрики, Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Здесь жили рабочие. Сто лет назад на Пресне было много заводов.

– А теперь одни офисы.

– Может, это и правильно, все-таки центр города.

Подняв голову, Ева оглядела черные окна:

– Не получилось ничего разузнать.

– Кто сказал, что не получилось? – возразила Лера.

– Так ведь нет никого.

Лера дернула дверь, та была заперта, зато справа от нее зиял пролом, через который можно было зайти в дом. Она шагнула туда.

– Давай за мной... – велела она Еве.

Подобрав полы пальто, та полезла следом. В темноте вспыхнуло табло телефона, света хватило, чтобы разглядеть, где начинается лестничный марш.

Под ноги то и дело попадали камни, скрипело стекло, хрустел строительный мусор. Сквозь разбитые окна в дом проныкал ветер.

Взойдя на второй этаж, они увидели, что входные двери квартир лежат на полу. Посветив, Лера нашла створку под номером шесть и, переступив через нее, направилась в ближайшее помещение:

– Здесь.

– Квартира номер шесть... – Ева обошла дверь с другой стороны. – А может, и девять...

– Девятая – на третьем, – уверенно сказала Лера. – На каждом этаже по три квартиры. Идем...

– Я боюсь...

– Тогда жди меня здесь.

– Нет! Я с тобой.

Они оказались в начале широкого коридора, конец которого уходил в глубину квартиры. В коридоре было не меньше десятка проемов, двери криво болтались на полуоторванных петлях. Со стен рваными клоками свисали обои.

– Как в фильме ужасов, – прошептала Ева. Она легонько подпрыгнула. – Как думаешь, мы не провалимся?

– Не провалимся, – успокоила ее Лера. – Дом крепкий. Ты же видела – пробовали ломать, да с первого раза не получилось.

Она заглянула в комнату. Посреди ее на полу валялся сломанный чемодан, рядом – его крышка. В углу лежал матрас в желтых разводах – жалкая подстилка бомжа, страдавшего энурезом.

– Ну, все? – спросила Ева, ей хотелось скорее уйти.

Лера оглянулась:

– Чего ты боишься, глупая? Мы в центре Москвы.

– В центре... Придушат по-тихому, никто и не заметит. Лера-а-а-а, а вдруг нас убью-ю-ю-ют?

– Убьются, – деловито пообещала Лера. Оглядев комнату, она подошла к стене. – Смотри!

В свете телефонного табло стали видны забрызганные жиром обои. На темно-зеленом фоне золотом блестели черточки наподобие «елочки».

– И как только люди здесь жили... – начала Ева.

– Неужели не видишь? Смотри, – повторила Лера глухим

ГОЛОСОМ.

Порывшись в сумке, она приложила к стене клочок обоев, тот, что выпал из рук Риты.

– Они... – ахнула Ева.

Поддев ногтем отслоившийся край, Лера оторвала от стены приличный кусок обоев. В тишине прозвучал резкий звук.

– Зачем? Мне и так страшно... – всхлипнула Ева, но тут же сменила тон: – А на обороте – газета.

– «Известия», – Лера подняла глаза, как будто прислушиваясь.

– Тихо...

Из глубины коридора донеслись шаги.

– Там кто-то есть... – прошептала Ева.

Лера спрятала телефон. В крошечной тьме они испуганно прильнули друг к другу. Шаги приближались, в дверном проеме заплесало желтоватое пятно от фонарика. В ту же секунду свет фар от проезжающей машины обозначил расплывшуюся старушечью фигуру. Яркая полоса мгновенно «просканировала» комнату и так же быстро исчезла. Звук мотора затих в соседнем дворе.

– Ки-и-ися...

Лере потребовалось значительное усилие, чтобы оторвать от себя Еву.

– Ки-и-ися, ки-и-ися, ки-и-ися-я-я... – старуха остановилась и направила на них свет фонаря.

– Ой... – тихо сказала Ева.

– Наркоманите?! – спросила бабка.

– Глупости, – ответила Лера. – А вы здесь зачем?

– Кисю свою ищу.

– Кошку? У нее нет имени?

– Это и есть имя: Кися.

Старуха поводила фонариком по углам.

– И здесь ее нет, – вздохнула она. – Как вещи сносить стали, я про нее забыла...

– Значит, вы жили тут? – спросила Лера. – В этой квартире?

– Соседнюю комнату занимала.

– Когда расселили дом?

– Две недели назад, – вздохнула старуха. – А я все не могу привыкнуть. К старости на свалку попала.

– На свалку? – спросила Ева.

– Это я так, от обиды. Окна мои теперь на свалку выходят. Опять же Киси лишилась. Ки-и-ися-я-я-я...

– А в какой комнате жил Реутов? – спросила Лера.

– Васька? – Старуха махнула рукой: – У кухни, дальше по коридору. Да и не жил он здесь. Как денежки завелись, за город съехал. В собственном доме проживал. Тут мамаша его обитала, а он – только прописан.

– А-а-а... – протянула Ева.

– Куда уехала его мать? – спросила Лера.

– Мамашу полгода как схоронили...

– А в этой комнате кто жил?

– Закорюженный такой мужичонка. Форменный забулдыга. Зубы наполовину кончились.

– Где он сейчас?

– Спился.

– Что значит спился?

– А то и значит, что помер.

– Понятно, – сказала Лера. – Все умерли. Вы – последняя из могикан.

Старуха развернулась и подалась к выходу:

– Меня обидеть легко... Я женщина беззащитная... – запричитала она. – Последняя в жизни радость, кисенька, потерялась...

– Простите! – Лера выскочила в коридор вслед за старухой.

– Ладно уж, – легко согласилась та. – Несчастное тут место...

– Вы про комнату или про всю квартиру?

– Про комнату.

– Почему же она несчастная, откуда вы взяли?

– Сколько лет пустая стояла, только мыши из-под двери шмыгали. Потом Иваныч, пьяница, поселился. Вскоро и он от водки сгорел. Говорят, все началось, когда в комнате женщина удавилась...

– Удавилась? – не поняла Лера.

– Повесилась... Муж-нефтяник из Тюмени вернулся, а

жена на люстре болтается, – старуха перекрестилась. – Я въехала сюда года через два, всех подробностей не знаю. Слышала только, что убоялась она мужа. Соседи по квартире – хуже врагов. Спросить не у кого.

– Когда, говорите, это случилось?

– Лет тридцать тому назад.

Лера перевернула сорванный клочок обоев:

– Посветите, пожалуйста.

Старуха направила фонарь.

– Газета «Известия»... Апрель тысяча девятьсот восемьдесят второго года, – вслух прочитала Ева. – Как раз то время...

Лера спросила:

– В квартире оставался кто-нибудь из старожилов?

– Старик Федоров. Валерий Кузьмич.

– Где он теперь?

– Не знаю, переезжал после меня, – пробормотала старуха. – Поздно, а мне еще Кисю мою искать.

– Господи! Мне же в Останкино! – Ева кинулась к выходу.

– Подожди, – крикнула ей Лера. – Я тебя довезу.

Глава 11

Без почтения

– Итак, напоминаю, тема сегодняшней передачи – служебный роман! – Телеведущая произнесла эти слова громко, почти выкрикнула, будто подчеркивая их особенное, интригующее значение.

Одна из телекамер отъехала от нее, другая, напротив, приблизилась. Теперь на большом экране темнели вспотевшие подмышки ведущей.

Ева сидела на трибуне среди гостей, всем своим телом ощущая, какое непрочное и хлипкое под ней сиденье. На память приходили документальные кадры обрушения футбольных трибун. Рядом сидели другие зрители, и по тому, как осторожно они хлопали, было ясно: проблема устойчивости трибуны волнует не только ее.

На съемочной площадке стояли четыре дивана, где расположились участники шоу. В центре – телеведущая, раскинув руки, предьявляла миру свои подмышки.

– Наш предыдущий герой, московский таксист Александр, высказал свою точку зрения: *«С клиентами – не комильфо»*, – ведущая форсировала голос. – Весьма точное высказывание! Спасибо!

Зрители заулыбались и опасливо похлопали в ладоши.

Еве было не до улыбок: сиденья в съемочном павильоне были из неструганых досок, а ее юбка – слишком коротка, чтобы защищать ноги и то, что выше.

– Как видите, возможности флирта у нашего предыдущего гостя весьма ограничены: симпатичные пассажирки, ну и еще хорошенькие диспетчерши. – Ведущая кисленько улыбнулась, таксист Александр механически закивал. – Зато следующие участники шоу имели все шансы завести головокружительный служебный роман! – На лице ведущей появилась лукавая улыбка, она приблизилась к телекамере и доверительно сообщила: – Что, собственно говоря, они и сделали. Встречайте! Сегодня в нашей студии главные герои сериала «Шелковое сердце»: Григорий Лю-ю-ю-юсин и Анастасия Рю-ю-ю-ю-юмина!

Грянула бравурная музыка, и в студию, держась за руки, вошли Люсик и Рюмина.

Ева окаменела.

По тому, как напряженно улыбался ее муж, было ясно, что он возбужден и немного напуган. Рюмина сияла от счастья и ни на минуту не забывала о том, что быть красивой – ее профессия. Стянутая тугим платьем, с длинными, до пояса, волосами и загорелыми ножками, Анастасия Рюмина была воплощением женской привлекательности.

Парочка уселась на свободный диван. К ним подсела ведущая:

– Здравствуйте! Итак, у вас служебный роман?

Люсик и Рюмина переглянулись.

– Совершенно верно, – сказал он. – Мы любим друг друга.

Студия взорвалась аплодисментами, Ева почувствовала, как задрожала трибуна. В этот момент к ней повернулась толстая женщина, сидящая справа:

– Какие милашки! – Ее улыбка сползла с лица, когда она увидела мрачную физиономию Евы.

Телеведущая сдержанно похлопала в ладоши:

– Что ж, поздравляю. Но...

Студия замерла в ожидании, после таких «но» обычно начиналось самое интересное.

– Но... – повторила ведущая. – Если не ошибаюсь, вы оба уже состоите в браке, – она выдержала эффектную паузу. – И отнюдь не друг с другом. Как вы намереваетесь поступить со своими законными супругами?

Толстуха снова повернулась к Еве, на ее одутловатом лице было написано крайнее разочарование.

После минутного обдумывания Люсик ответил:

– Мы сообщили им о предстоящем разводе.

– И я, и Григорий подаем на развод, – подтвердила Рюмина. – По-моему, это единственное разумное решение в такой ситуации.

Телеведущая прошла по площадке и остановилась как будто в замешательстве.

– И какова была их реакция на предложение развестись? Слезы, истерика, уговоры? – спросила она.

— Ну что вы, — сказал Люсик. — Мы же интеллигентные люди. — В надежде найти поддержку зрителей он обвел взглядом трибуны.

Единственное, о чем мечтала в этот момент Ева, это чтобы он заметил ее. И он заметил: наткнувшись взглядом на искаженное ревностью лицо жены, Люсик отдернул руку от Рюминой. Не обратив на это никакого внимания, та продолжала умничать:

— Что может быть ужасней брака, где нет любви? Знаете, что сказал великий художник Пикассо насчет дверной ручки?

— Вы имеете в виду его высказывание: «Даже если мне некого будет любить, я буду любить дверную ручку»? — уточнила ведущая.

— Именно, — подтвердила Рюмина. — Так вот: ни я, ни Григорий не собираемся оставаться со своими дверными ручками.

Откровенный идиотизм высказывания остался незамеченным. У Евы к тому времени от ярости перекосило лицо.

— Не кажется ли вам, что это не совсем корректно? — Телеведущая коснулась рукой своего уха, будто прислушиваясь к чему-то, стала ошупывать глазами ряды зрителей и, остановившись на Еве, направилась к ней. — Мне только что сообщили: у нас в студии находится жена Григория Люсина!

Зал ахнул, а Люсик протестующе подскочил с дивана. Телеведущая пробиралась к Еве.

– Только что в присутствии многомиллионной аудитории любовница вашего мужа сравнила вас с дверной ручкой... Не хотите ей ответить? – Телеведущая протянула свой микрофон.

Ева медленно поднялась и направилась к дивану, где сидели участники шоу.

Рюмина словно оцепенела, а Ева, впившись глазами в ее лицо, упорно пробиралась между рядами. Притихшие зрители ждали, чем все закончится.

Между тем Ева беспрепятственно проследовала в самое сердце съемочной площадки и как таран врезалась в Рюмину. Люсик прыснул в сторону. Диван опрокинулся. Какое-то время были видны только взмахи Евиной руки и барахтающиеся в потасовке ноги.

Зрители вскакивали со своих мест, чтобы лучше видеть происходящее. Стало ясно – Ева пришла в студию не просто так, ее «подлетное время», как говорят военные, было маленьким, и почтения по отношению к любовнице мужа она определенно не испытывала.

Известная телеведущая закричала:

– Охрана-а-а-а!! Где охрана?!

На огромном экране у декораций транслировалась картинка: Ева сидела на Рюминой и с упоением душила ее. Рядом возник Люсик и попытался разнять своих женщин, но тут же упал как подкошенный. С трибун слышались выкрики. Зрители, как могли, подбадривали дерущихся.

Неожиданно Рюмина вывернулась из-под Евы и на четвереньках отползла в сторону, однако та успела схватить ее за волосы. Актриса мотнула головой, и значительная часть нарощенных волос осталась в руках Евы.

– Сделайте что-нибудь! – вопила телеведущая.

К месту сражения подоспели охранники, и Еву оттащили от ее «счастливой» соперницы.

Подъехала камера, ведущая шоу собралась что-то сказать. Но тут Рюмина поднялась на ноги и осторожно приблизилась к Еве. Оглянувшись на зрителей, она вдруг залепила сопернице такую крепкую оплеуху, что даже охранник, который держал Еву, покачнулся.

Даже самому неискушенному зрителю стало ясно: Анастасии Рюминой все же удалось преподать урок жене своего любовника. Желание победить зачастую остается только желанием, а возможность победы зависит от того, кто твой противник.

* * *

Игорь Петрович спал, некрасиво открыв рот. Маша лежала рядом и смотрела в его лицо. Спал ли он или на время вырубился – и то и другое Машу вполне устраивало, потому что обычно их свидания смахивали на бред сумасшедшего.

«Сколько ему лет? Странно, что я не знаю...» – думала она.

На вид — лет пятьдесят, хотя, возможно, он моложе. Его старит невероятная худоба, следствие регулярного употребления кокаина.

«За все в жизни нужно платить, — думала Маша. — За машину можно полюбить даже его».

К счастью, Кравченко перенюхал кокаина и выпил лишнего.

Переложив подушку на край постели, Маша включила ночник. На часах было десять вечера. От выпитого и съеденного в ресторане у нее появилась изжога. Она принесла с кухни стакан воды.

Спать не хотелось. Маша включила телевизор. На канале ТНТ в «Доме-2», причмокивая, целовалась несимпатичная парочка. Маша вздрогнула от омерзения, ей вспомнились слюнявые поцелуи Кравченко. Она переключила канал и увидела Еву, которая душила Рюмину. Актриса вывернулась и отползла в сторону, но Ева вцепилась в ее волосы.

— Господи-и-и-и... — прошептала Маша, прибавила звук и схватилась за телефон: — Лера! Ты дома?! Срочно врубай четвертый! Включай телевизор, говорю тебе!

— Что?.. — спросила Лера. — Что там случилось?

Маша раскрыла рот, но вдруг под ее ногами что-то зашевелилось.

— А-а-а-а-а! — закричала она и бросила трубку.

— Ма-а-а-ма-а-а... — Лежа на полу, Кравченко заглядывал под коврик. — Ма-а-а-ама-а-а моя пришла... — Он полез под

кровать.

– Ваша мама пришла? – Маша быстро пришла в себя и тоже легла на пол. – Ну, так давайте достанем ее оттуда.

* * *

В десять вечера Лера стояла посреди комнаты, раздумывая над тем, стоит ли так рано ложиться спать.

Весь день прошел в тревогах. Нужно было подумать, а ду-малось Лере лучше всего в постели. Она подошла к кровати, но тут же вернулась к сумке, оттуда послышался телефон-ный звонок.

– Да...

– Лера! Ты дома?! – кричала Маша.

– Да...

– Срочно врубай четвертый! Включай телевизор, говорю тебе!..

Лера кинулась к телевизору, дистанционный пульт заку-выркался в ее руках. Наконец она включила четвертый канал и тут же услышала улюлюканье зрителей и звуки побоища. На экране возникла разгоряченная Ева. Она вырвала у Рю-миной клоч волос и швырнула его в Люсика.

– Очки... – Лера вернулась к своей сумке и вытряхнула ее содержимое в кресло. Выхватила из футляра очки и со-бралась возвратиться к телевизору и вдруг заметила нечто, заинтересовавшее ее больше, чем бойня, которую устроила

Ева в прямом эфире.

Это был крылатый конверт экспресс-почты, такой она видела на фургоне в тот день, когда умерла Рита.

«Как он оказался в моей сумке?»

Лера вскрыла конверт. Через мгновение она держала в руках клочок темно-зеленых обоев с золотистыми черточками наподобие «елочки».

* * *

Сергей Барсуков задерживался на работе. Просматривая отчет, он то и дело поднимал глаза, чтобы видеть свою жену.

Около десяти Сергей направился к ее кабинету.

– Я – свободен. Поедем домой?

Не поворачивая головы, Надя ответила:

– Немного еще поработаю...

– Не хочу, чтобы ты ехала на метро, – Сергей улыбнулся. – А здорово ты ее... отрихтовала.

– Ты про Голикову? – спросила Надя, на ее лице не было и тени улыбки.

Натолкнувшись на холодность жены, Сергей не нашелся что ответить, прошел к вешалке и взял в руки ее пальто:

– Едем домой, уже поздно.

Когда они вышли из лифта, на первом этаже было тихо, и только дежурные у центрального входа смотрели в маленький телевизор.

– Ничего себе, – Сергей показал рукой на экран.

Надя остановилась. На экране студийные охранники тащили орущую Еву, она вырывалась с явным намерением кого-то добить.

– Это твоя подружка, – Сергей обернулся к Наде.

Ева кричала, билась в руках охранников и устрашающе выпучивала глаза. Когда показали Рюмину, стало ясно, кто исполнял роль жертвы.

– Что она делает... – Надя схватилась за щеки. – Что она делает...

Глава 12

Замуж за постового

Автомобильная стоянка возле «Пресни Палас» была непривычно пустой. Брусчатку засыпало выпавшим к ночи снегом. Сергей завел двигатель и замер, прислушиваясь к его работе. Будучи организованным человеком, он заботился о своей машине.

Взглянув на жену, усмехнулся:

– С чего она так разошлась?

– От нее ушел муж, – вздохнула в ответ Надя.

– Тогда ясно, – Сергей тронулся с места. – Не думаю, что драка поможет. Скорее наоборот. Лучше найти другого и, как теперь говорят, заняться любовью. Только не говори, что все мужики сволочи.

– Не в этом дело, Сережа. – Надя помолчала. – Любовью не занимаются. Ею живут.

– Ах, вот оно как, – хмыкнул Сергей и вдруг на полном ходу развернулся.

– Куда? – только и успела спросить Надя.

– Поужинаем где-нибудь.

– С чего вдруг? Тысячу лет никуда не ходили.

– А сегодня пойдем, – сказал Сергей. – Могу я поужинать с любимой женой?

– Можешь, – подтвердила она.

* * *

Машина остановилась, Сергей вынул ключ из замка зажигания.

– Помнишь это место?

– Помню, – Надя открыла дверцу. – Кажется, раньше у ресторана было другое название.

– Какая разница. Главное, что здесь я сделал тебе предложение. – Сергей вышел из машины. – Идем.

Они вошли в вестибюль, который ничем не напоминал прежний, общепитовский.

– Я говорила тебе, что тот поход в ресторан был первым в моей жизни? – спросила Надя и отдала гардеробщику пальто.

– Не говорила, – Сергей взял ее под руку и повел в обеденный зал. Усевшись за стол, он стал изучать меню. – Как насчет ростбифа?

Надя смотрела на мужа, подперев кулачком подбородок.

– Ты забыл, я не ем сырого мяса.

Сергей протянул ей меню:

– Прости. Совсем разучился ухаживать. Выбирай сама.

– Знаешь, о чем я вспомнила? – спросила Надя.

– О том, что на то свидание я пришел в милицейской форме?

– Ты был такой красивый.

– А потом вручил тебе пять гвоздик и спросил: «Выйдешь замуж за постового?»

Надя протянула руку и прикоснулась к его щеке:

– Люблю тебя...

– Я тебя тоже. – Сергей сжал ее руку. – Знаешь, я так скучаю по Светке.

Надя опустила глаза:

– Это была твоя идея, послать ее в Англию.

– Мы можем себе это позволить... – начал он.

– После ее отъезда у меня каждый день болит сердце.

– Хорошее образование ей не повредит. У нашей дочери будет другая, лучшая жизнь. – Сказав это, Сергей нахмурился, он не любил, когда Надя ему перечила. – Ты готова сделать заказ?

Понимая, что это лишь повод закончить неприятный разговор, Надя кивнула, а когда подошел официант, ткнула пальцем в первую попавшуюся строчку. Есть уже не хотелось, она поднялась со стула:

– Пойду руки помою...

– Давай.

Чтобы попасть в туалетную комнату, Надя спустилась по лестнице в подвал. Эту часть помещений преобразования коснулись меньше всего. Однако и здесь было довольно чисто, отсутствовал неприятный запах, на стене висел рулон недорогой туалетной бумаги.

Спустя минуту Надя вышла из туалета и стала подниматься по лестнице. Ей осталось преодолеть несколько ступеней, когда она услышала голос мужа:

– Я просил тебя не звонить на этот номер... – Сергей говорил спокойно и бесстрастно, будто обсуждал деловой вопрос.

Надя застыла на месте, еще не осознавая, что именно в голосе мужа ее удивило. Справившись с замешательством, она поднялась на лестничную площадку, приблизилась к открытой двери и увидела его руку, лежавшую на спинке кресла: их столик стоял у самого входа.

– Нет... Нет... Сегодня никак не могу. – Сергей замолчал. – Ладно, я постараюсь. Ты знаешь, как получить свое. Целую. Перезвоню.

Из кухни пахло запахом горячей еды, мимо нее, топая каблуками, пробежал официант. Дверь захлопнулась.

Надя закрыла лицо руками и прислонилась к стене. Почувствовав холод гранита, стала медленно приходить в себя, в висках толчками стучала кровь. Ей стало холодно.

– Все нормально? – спросил Сергей, когда она возвратилась в зал.

– Да.

– У тебя в лице ни кровинки.

– Все хорошо.

– Уверена? – Он встал и обнял ее за плечи.

– Все хорошо, – повторила Надя.

– Тогда давай есть.

Они сели. На столе стояла бутылка вина и закуски. Сергей наполнил ее бокал.

– Тебе нужно выпить. Жаль, что я за рулем.

Надя схватила бокал и мгновенно его осушила. Сергей вскинул брови.

– Вот, – сказала Надя и отвела глаза. – Очень захотелось пить. – Она взяла вилку и только для того, чтобы что-нибудь делать, начала есть салат.

– Ты вот что, – медленно произнес Сергей. – Домой поедешь одна. На такси.

Надя почувствовала, что еще мгновение, и она заплачет.

– Почему?

– Коммерческий позвонил, ждет меня в офисе, договор с Литвой не подписан, им снова что-то не нравится. Достали... – Сергей основательно пережевывал кусок мяса. – Так что давай по-быстрому. У нас мало времени.

Спустя полчаса он отправился на поиски официанта. Надя не сводила глаз с телефона, который остался лежать на столе. Поколебавшись, взяла его и открыла список входящих звонков. Определив время последнего, записала номер на салфетке.

В зал вернулся Сергей:

– Идем, я вызвал тебе такси, а мне еще до утра работать.

Глава 13

Когда погас свет

Свет от лампы был красным, пронзительным и, казалось, проникал в каждую клеточку ее маленького больного тела. Разглядывая незнакомый абажур, она догадалась: мамину лампу накрыли красным платком. Была ночь, у стены стоял человек в черном. Он обернулся и зло посмотрел на нее...

– Мама-а-а-а! – Лера села в постели, лицо и все тело покрылись холодным потом.

Детский кошмар вернулся, и ей стало не по себе. На протяжении многих лет он изводил ее по ночам. Повзрослев, Лера сама себе объяснила: когда-то она заболела корью, а, как известно, один из симптомов заболевания – светобоязнь. Поэтому мама накрыла абажур красной тканью. Что касается черного человека: он ей приснился. Убедив себя в этом, она надолго избавилась от ночных кошмаров.

И вот снова...

Пытаясь успокоиться, Лера откинулась на подушку и закрыла глаза. Однако ей не суждено было заснуть: из недр сумки послышался мелодичный звонок. Взглянув на часы, Лера подумала: «Что-то случилось».

Она взяла телефон:

– Слушаю.

– Казанцева Валерия Николаевна?

– Да. А вы кто?

– Охрана. Бизнес-центр «Пресня Палас». Ваш номер телефона в списке контактов на случай, если сработает сигнализация.

– Да-да... Может быть. – Лера вспомнила, что действительно расписывалась в распоряжении на этот счет.

– Ага... – хмыкнул охранник. – Вам нужно приехать.

– Сейчас?! – ужаснулась Лера. – Половина второго ночи!

– По инструкции мы должны осмотреть помещение в вашем присутствии. Если не согласны, решайте вопрос с руководством. Утром. А сейчас – приезжайте.

– Еду, – буркнула Лера и потянулась за джинсами.

* * *

В фойе бизнес-центра Лера появилась в два часа ночи. Охранники ее ждали.

– Адвокатская контора Шостока?

– Да.

– Ключи с собой?

– А как вы думаете, для чего я приехала?! – Лера показала ключи.

– Пошли.

Двое охранников направились с ней к лифту, третий остался у входа.

– Вы уже поднимались? – спросила Лера.

Один из секьюрити, видимо старший, дождался, пока она войдет в лифт, и нажал кнопку шестого этажа.

– Поднимались. Под дверью послушали – тихо.

В коридоре было темно. В сопровождении охранников Лера подошла к двери офиса и посмотрела на старшего. Тот кивнул:

– Открывайте, и сразу в сторону.

Она повернула в замке ключ и отступила. Охранники зашли внутрь. Лера включила свет, оглядела приемную:

– Вроде бы все на месте.

– Вроде бы или точно? – переспросил охранник.

– Я сказала: все на своих местах. В кабинете уже смотрели?

– Если хотите, идем вместе, – охранник направился в кабинет Шостока. Через минуту раздался его голос:

– Думаю, провода перемкнуло. Брать у вас нечего, так что тревога – ложная.

Заглянув в кабинет шефа, Лера увидела на столе использованные кофейные чашки.

«Когда успел насвинячить...» Она представила недовольную мину Леночки.

– Идем? – Оба охранника направились к выходу.

– Вы идите, я задержусь.

– Это еще зачем? – Старший остановился.

– Нужно помыть посуду.

– Нам подождать?

– Не стоит. Я не боюсь.

Охранники вышли, звук их шагов становился тише, потом заурчал лифт, и все смолкло.

Лера помыла посуду, включила чайник, достала чайный пакет и кинула в чашку. Ожидая, пока закипит вода, прошла в кабинет Шостока, села на подоконник.

Она вспомнила про конверт с куском зеленых обоев, который нашла в своей сумке.

«Реутову клочок обоев доставили в таком же конверте», – подумала Лера.

Кому предназначался этот клочок обоев? На этот вопрос следовало найти ответ как можно скорей. Она не знала, сколько времени конверт провалялся в сумке и как он туда попал. К счастью, сегодня утром к пальто ей потребовалась черная сумка.

Щелкнула кнопка электрического чайника, и в то же мгновение погас свет.

За окном шел снег. Леру охватило странное чувство: смесь страха и удовольствия. В темноте привычные вещи обрели особенный, тайный смысл: безжизненная тишина офиса, красота падающих снежинок, отблеск луны в льдинке...

Иногда, чтобы почувствовать остроту жизни, необходимо гасить свет.

В приемной скрипнула дверь: отворилась и тут же закрылась. Оставалось только гадать, с какой стороны находится

тот, кто ее открыл.

Лера сползла с подоконника. В голове пронеслись картины, одна страшнее другой. Конверты с кусками обоев, лежащая на полу Рита, ужасная гибель Реутова.

«А что, если в здании орудует маньяк? Теперь он пришел за мной...» Ее затрясло крупной дрожью.

Из приемной доносились звуки шагов. Лера залезла под стол. Стукнулась головой о столешницу, стиснула зубы и замерла. В этот момент ее осенила мысль: в ящике стола Шосток хранил заряженный пистолет. Беззвучным движением Лера открыла ящик. Пистолет был таким тяжелым, что ей захотелось тут же его бросить.

Шаги приближались. Лера поднялась во весь рост и вытянула перед собой руки. Нащупав спусковой крючок, нашла в себе силы крикнуть:

– Ни с места!

– Давайте без глупостей... – Мужчина шагнул в кабинет.

– Не двигайтесь!

– Надеюсь, пистолет не заряжен? – По-видимому, он разглядел Леру на фоне окна.

– Заряжен! – вскрикнула она, потом спросила: – Зачем вы сюда пришли?

– Профессия, знаете ли, такая... – В его голосе угадывался сарказм.

– Маньяк... – прошептала Лера.

– Ну, ладно, пошутили, и хватит, – сказал мужчина.

В тот же миг раздался громоподобный звук. Леру будто ударили по руке. Выронив пистолет, она догадалась: он хранился со снятым предохранителем.

Кабинет освещал свет, сочившийся сквозь окно. В дверях никого не было. Лера ужаснулась: кажется, она убила человека, пусть даже этот человек – маньяк.

– Послушайте... – прошептала она, – вы живы?

В ответ прозвучал совершенно спокойный голос:

– Не уверен.

Над столом заседаний выросла голова:

– Вы не собираетесь больше в меня стрелять?

– Слава богу, вы живы, – она облегченно вздохнула.

– На вашем месте я бы не спешил радоваться... – Мужчина поднялся на ноги. В его движениях ощущалась легкость, которая приобретается упорными тренировками в спортивном зале. – У меня есть шансы истечь кровью...

В этот момент вспыхнул свет. Мужчине было лет тридцать пять. Он был гибким, элегантным и высокомерным. Аккуратно подстриженные волосы спадали на высокий воротник белой сорочки. Серые насмешливые глаза смирили ее с ног до головы.

Лера обескураженно улыбнулась:

– Вы жулик?

– Надеялись, что маньяк?

Она отвернулась и покраснела:

– Хорошо, что я не убила вас насмерть.

– Убить не убили... – он указал на дыру в рукаве, потом на ту, что появилась в дверном косяке.

– Боже мой... Снимайте пиджак.

Она вышла из кабинета и через минуту вернулась с пакетом:

– Давайте руку, помажу йодом. Потом вызову «Скорую».

– Не нужно «Скорую», – он снял пиджак, а затем рубашку.

На правом плече алела царапина.

– Опасаетесь, что приедет полиция? В таких случаях говорят – тебя посадят, а ты не воруй! – Лера смочила салфетку йодом и подошла ближе.

– Я, между прочим, за вас опасаюсь.

– За меня? С чего это вдруг?

– Вы стреляли. Начнут разбираться, откуда оружие, выяснять, что да как...

– Интересное дельце! – воскликнула Лера. – Он вырубил свет, залез ко мне в офис, а я виновата!

– Вот видите – не нужно никому звонить. – Завидев йод, мужчина поморщился. – М-м-м... Будет жечь?

– Конечно. – Лера злорадно улыбнулась. Смазав царапину, она залепила ее пластырем. – А теперь уходите. – Она подняла пистолет и положила его в ящик. – Не знаю, почему я вас отпускаю...

Он искренне удивился.

– Но ведь мы даже не познакомились.

– Меня зовут Лера.

– Дмитрий. А знаете... плечо-то побаливает.

– Я говорила – нужна «Скорая медицинская помощь».

– «Скорая» тут ни при чем. Просто я не смогу управлять машиной.

– На что это вы намекаете?

– На то, что теперь вы за меня в ответе.

– То есть?

– Если я не смогу вести машину – вы довезете меня до дома.

– Чтобы я... в два часа ночи... какого-то фармазона... – Лера скривила губы.

Болезненно сморщившись, он закатил глаза, и она почувствовала себя виноватой.

– Лучше вызову вам такси.

Он схватился за руку и скорбно закрыл глаза.

– Ладно, поехали, – согласилась Лера. – Ждите на автомобильной стоянке.

* * *

Дмитрий жил в двух шагах от офисного центра. Притормозив на Садово-Кудринской у сквера перед легендарной высоткой, Лера спросила:

– Как самочувствие?

– Смотрю на вас, и кружится голова.

– Небось рассчитываете, что провожу вас до двери? – Лера

вошла в роль. – Может, еще и поцелуемся?

Но Дмитрий не собирался шутить. Он обнял Леру, нашел ее губы и крепко поцеловал. Потом вылез из машины и зашагал к своему дому.

Глава 14

Под знаком «люкс»

– Сегодня я опоздаю, – протягивая шефу чистое полотенце, Маша стояла в дверях ванной.

– В три будет совещание насчет карнавала. – Кравченко вышел из душа и взял полотенце.

– К трем я подтянусь.

– Ты заказала костюмы?

– Для вас – костюм Карабаса.

– А для себя?

– Мальвины.

– Славная парочка, – он вяло обнял ее за талию. Из его рта пахло гнильцой.

Маша заметила:

– Вам бы себя побережь, все-таки печень...

– К черту печень, – Кравченко оттолкнул ее и зашлепал босыми ногами в комнату. – Лет пять еще погуляю, потом сделаю пересадку, – он изнеможенно растянулся в постели.

– Пересадку чего? – Она уселась подле него.

– Печени... – Он распахнул Машин халатик и запустил под него руку. – Всего и делов-то на пятьдесят косарей. Иди-ка... – он повалил ее рядом с собой.

Кравченко терся о ее бедро и слюнявил грудь, хрюкал и

причмокивал в Машино ухо. Она дышала в сторону и думала о вещах куда более приятных.

Например, о том, какую машину просить у него. Пришло время ему конкретизировать обещание, а ей, как говорится, столбить тему. Главное – не перегнуть палку. Попросишь дорогую – откажет или станет тянуть время. Дешевую – купит немедленно, а ей потом мучайся, прикидывай, сколько она прогадала. Тут надо с умом...

– Лежишь как бревно... – Кравченко потерпел фиаско, его «боевой конь» уснул и больше не поднимался.

Облизнув губы, Маша сползла вниз. Занимаясь привычным делом, продолжала обдумывать марку машины. Теперь она выбирала между «Альфа Ромео» и шестой «БМВ». На исходе пятой минуты решила, что сегодня заводить разговор не стоит. Ей не удалось «помочь» Кравченко. Он ушел недовольный и разочарованный.

Маше его уход принес облегчение. От двери она побежала в душ и долго стояла под струями прохладной воды, смывая с себя память о сморщенном теле и несвежем дыхании обесиленного любовника.

Она думала о том, что сегодня утром сможет побыть дома. Посмотреть телевизор, переглядить белье или же поболтать с подругами.

«Совсем забыла про Еву». Выключив воду, Маша накинула полотенце.

За Еву отозвался автоответчик. Голос был спокойным и

безэмоциональным. Спустя мгновение раздался звонок. Маша решила, что Ева перезвонила, но, взглянув на высветившийся номер, нежно пропела в трубку:

– При-и-и-ве-е-ет...

– Ты где? – спросил осторожный голос.

– Уже у себя дома.

– Может, увидимся?

– А сюрприз будет? – поинтересовалась Маша.

– Да, купил.

– Приезжай... Бозя, – Маша знала, что ему нравится, когда она так его называет.

– Еду, – он дал отбой.

Маша перестелила постель, открыла шкаф и достала черную комбинацию, потом подвела глаза на манер Клеопатры и надела туфли на шпильках. Ей было интересно, что сегодня привезет Бозя.

Он был жадноват. Однажды в подарок он принес ей кухонный комбайн, и она выставила его за дверь вместе с комбайном. После того случая Бозя приходил с «ювелиркой», в крайнем случае с деньгами. Второе ее устраивало больше.

Когда позвонили, Маша была готова. Она посмотрела в глазок и открыла дверь.

На пороге с бархатной коробкой в руках стоял Виктор Иванович Шосток.

Перед работой Кравченко заехал домой и там встретил жену. Она попросила денег. Сумма небольшая, пятьдесят тысяч долларов, но давать не хотелось.

Лицо у жены было синее, как после побоев.

«Опять сделала пластику...» – Кравченко мысленно чертыхнулся.

На руках у Вики дрожала собачка Клео. Воинственный хохолок – веером, на нем – белая ленточка, точь-в-точь повязка на голове самурая. Изловчившись, собакахватила его за руку.

«Еще раз цапнет – отравлю», – подумал он и ласково улыбнулся.

Шитцу дрожала и следила за каждым его движением.

– Успокойся, деточка... – сюсюкала Вика. – Папочка у нас до-о-обренький... Папочка нас не тронет... Он даст нам немножко денежек...

Виктория Кравченко владела несоизмеримо большим капиталом, чем тот, которым располагал ее муж, что не мешало ей один раз в месяц кланяться у него небольшую сумму. Это была игра в зависимую жену и покровителя-мужа. На самом деле их супружеский «проект» финансировал Викин отец, в прошлом ответственный работник ЦК КПСС.

Григорию Федоровичу Кравченко было за восемьдесят.

Он и его жена Василиса Сергеевна пребывали в совершеннейшем здравии, во многом благодаря своим безграничным финансовым возможностям.

Знакомые часто спрашивали: почему родители жены носят фамилию Кравченко. «Однофамильцы», – отвечал Игорь Петрович, и это было вранье.

В молодости Игорь работал инженером, спал за шифоньером в комнате у родителей и копил на пятую модель «Жигулей». А когда наконец купил, в тот же день сбил пешехода. Пьяная женщина бросилась на капот, отлетела в сторону и ударилась головой об асфальт. Игорь хотел отвезти ее в приемный покой, она же попросилась домой.

Во дворе правительственного дома на Кутузовском автомобиле Кравченко оказался зажат двумя черными «Волгами», из которых посыпались крепкие парни в штатском. Пассажирку извлекли из салона и со всеми предосторожностями унесли домой.

Самого Игоря сунули в «Волгу» и доставили в милицию. Там, в отдельном кабинете, ему приказали забыть обо всем. Он с радостью все забыл и вскоре раскатывал по весенней Москве с любимой девушкой Люсей.

Через неделю за ним пришли на работу. Забрали из цеха, вывели во двор, посадили в пикап и увезли за город. Когда Игорю разрешили выйти, он увидел каменный особняк, на крыльце которого стояла недавняя пассажирка.

– Меня зовут Вика, – сказала она и увела Игоря в дом.

Начиная с этого дня его каждый день стали возить к Вике. Он сделался для нее чем-то вроде наркотика или спиртного.

По мнению Викиного отца, до этого дочь влюблялась не в тех мужчин. Последним ее возлюбленным был цирковой акробат. В тот вечер, когда Вика бросилась под машину, он от нее сбежал. В автоматическом режиме Вика переключилась на Игоря. Она убедила себя в том, что любит его и что любовь взаимна. Чтобы вывести ее из этого заблуждения, Игорю были нужны честность или присутствие духа. Он же не обладал ни тем, ни другим.

Вика тем временем решила, что хочет замуж. Ее отец не возражал против свадьбы. Простой советский инженер вполне соответствовал его представлению об идеальном супруге. «Это вам не лохматый хиппи или какой-нибудь акробат, — говорил он супруге. — Но внуки будут носить нашу фамилию».

Григорий Федорович потребовал: после свадьбы зять обязан взять фамилию жены. Игорь не устоял и согласился сменить паспорт. Его собственный отец так и не узнал об этом, потому что ни его самого, ни мать не пригласили на свадьбу сына.

В первые годы Игорь ненавидел себя за то, что продался вместе с потрохами и отцовской фамилией. Постепенно ненависть к себе плавно перетекла на Вику.

Теперь им было по пятьдесят, детей у них не было. Игорь Петрович научился скрывать свои чувства. Знал: если тестю

покажется, что его дочь любят недостаточно сильно, он вызовет Игоря «на ковер», а потом отберет машину или не пустит на виллу в Сардинию.

Вика вела привычную жизнь: с утра – массаж и бассейн. После завтрака – парикмахер, потом салон красоты. Один только обед с подругами занимал три с половиной часа. Подруг было много, все – никчемные лживые твари, способные лишь «трещать» о мужьях, любовниках и нарядах.

Вика не водила машину. Автомобиль «Лексус» с водителем всегда был в ее распоряжении. При желании она могла выбрать любую из двадцати машин из отцовского гаража, но ей нравился «Лексус». Возможно, потому, что название марки смахивало на слово «люкс». Ее жизнь с рождения проходила под этим знаком, и Вика ничего не собиралась менять.

* * *

Кравченко застегнул рубашку и надел свежий костюм. Открыл сейф, отсчитал пятьдесят тысяч долларов. Затем взял конверт, вложил в него несколько стодолларовых купюр и сунул во внутренний карман пиджака.

Выходя из дома, кинул деньги на стол в прихожей. Мимо, цокая коготками, пробежала собака.

– Пшшшшшшла... – прошипел Игорь Петрович.

Он ненавидел Клео, потому что она заменяла жене ребенка. Он ненавидел жену, ее отца, мать, прислугу, шофера и

повара...

Он ненавидел всех, кто окружал его в этом доме.

Глава 15

В нужный момент в нужном месте

В десять часов утра в кафе оставалось много свободных мест. Лера сидела одна, ожидая, когда подойдет Надя.

Шосток умчался в суд. Поспешность, с которой он удалился, выбила Леру из колеи. Пришлось переносить заранее назначенные встречи и сделать несколько малоприятных звонков. Не все из клиентов были корректны. Особенно бушевал Кузьмичев. Он орал, и трубка в руках Леры тряслась из-за kloкотавшей мембраны.

Она знала о кознях, которые плел Шосток, чтобы отсудить детей у жены Кузьмичева. Фактически их уже отобрали и спрятали, оставалось лишь узаконить свершившийся факт в суде. Выбравшись из психушки, Евгения Кузьмичева добилась, чтобы ее показали по телевидению. Лера видела тот сюжет: слезы и мольбы матери вернуть ей детей.

Между тем в контору Шостока приходили актеры. На кастинге отобрали двоих «любовников», готовых подтвердить порочные наклонности Кузьмичевой в суде. Адвокат Гриньков нервничал и громко матерился в курилке. У него состоялась встреча с соседями Кузьмичевых, которые за деньги пообещали засвидетельствовать факт насилия матери над детьми. Сцена насилия была расписана поминутно.

Лера чувствовала себя больной. Душа рвалась прочь, не желая мириться с происходящим, но сознание цеплялось за привычное благополучие. Ввязавшись в чужой конфликт, она не смогла бы остановиться на полпути, а дойдя до конца, наверняка бы пожалела об этом.

При воспоминании о том, что случилось прошедшей ночью, Лера подумала: об этом она точно не пожалеет. Опасное приключение в утреннем свете превратилось в нечто волнующее. В то, о чем теперь было приятно вспоминать.

К столику подошла Надя и повесила сумку на спинку стула:

– Прости, еле вырвалась. Где Ева? – Она села рядом.

– Прячется.

– Ты была у нее в салоне?

– Да. Она взяла отгул. Только и разговоров что о той драке.

– Я ее так понимаю... – Всклипнув, Надя нащупала за спиной сумку и достала платок.

– Что-то случилось? – Лера придвинулась ближе.

Не отнимая от глаз платка, Надя кивнула. Она плакала тихо, почти беззвучно.

– Кажется, у Сергея другая женщина.

«Кто б сомневался», – подумала Лера.

Сказать это вслух она не решилась. Про Сергея ходили разные слухи.

– Откуда тебе известно? – спросила Лера.

– Слышала их разговор.

– Живьем или по телефону?

– По телефону.

– С кем он говорил? Знаешь?

– Нет.

– Жаль...

– Я записала номер.

– Хочешь узнать, кто это? Нужно купить на Горбушке диск с базой телефонных номеров. Она говорила с мобильного?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.